РОБЕРТ КИБЛ

САЙМОН ПО ПРОЗВИЩУ ПИТЕР

РОМАН О ВЕРЕ, ВОЙНЕ И ЛЮБВИ
НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Роберт Кибл

Саймон по прозвищу Питер

«Автор»
2026

Кибл Р.

Саймон по прозвищу Питер / Р. Кибл — «Автор», 2026

Вышедший в 1921 году роман стал подлинной культурной бомбой своего времени, вызвав яростные споры и рекордные продажи по всему миру. Это пронзительная, глубоко честная история военного капеллана Саймона Грэма, чей привычный мир рушится под ударами Первой мировой войны. Пережив ужасы фронта и оказавшись в богемном, изнуренном и жаждущем жизни тыловом Париже, Саймон сталкивается с полным крахом викторианских догм и церковных устоев. Встреча с Джули — воплощением новой, свободной от предрассудков женственности — толкает героя на отчаянный внутренний бунт. Роман Кибла стоит у истоков литературы «потерянного поколения», ведя прямой диалог с произведениями Ремарка и Хемингуэя. Это исследование веры, телесности и человеческой природы на руинах старого мира, которое продолжает волновать читателей своей бескомпромиссной правдой. Бонусная часть - текст и иллюстрации, превращает книгу в глубокое, объемное издание, помогая прочувствовать её как живой диалог эпох.

© Кибл Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I 24
Глава II 34
Глава III 39
Глава IV 52
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Роберт Кибл
Саймон по прозвищу Питер

Предисловие переводчика

В истории англо-американской прозы «потерянного поколения» и литературы «джазового века» роман Роберта Кибла *(Robert Keable)* «Саймон по прозвищу Питер» занимает совершенно особую, почти парадоксальную нишу. Опубликованный в 1921 году, он произвел разорвавшуюся бомбу по обе стороны Атлантики: тиражи исчислялись сотнями тысяч экземпляров, а современники обвиняли автора то в дерзком вызове викторианской морали, то в тончайшем психологическом откровении. Для одних это была скандальная исповедь падшего пастора, для других — подлинный голос эпохи, стремительно сбрасывавшей старые догмы под гул Первой мировой войны.

Для современного русскоязычного читателя этот текст — редкая возможность заглянуть в самый эпицентр мировоззренческого кризиса начала 1920-х годов. Главный герой, военный капеллан Саймон Грэм, отправляется на фронт во Франции и Восточной Африке в поисках Бога и высокой духовности, а сталкивается с суровой, неприкрашенной изнанкой человеческой природы, где рушатся привычные догматические опоры, а на их месте рождается сложная, лишенная ханжества вера в подлинность жизни и человеческого чувства.

Трудности перевода и стилистическая стратегия

Работа над переводом романа потребовала предельного внимания к интонационному строю эпохи. Проза Кибла амбивалентна: с одной стороны, в ней силен отпечаток церковно-богословского и возвышенного британского дискурса начала века, с другой — отчаянная, почти модернистская экспрессия людей, прошедших через мясорубку фронта.

При работе с текстом были решены следующие ключевые задачи:

Сохранение регистров речи: Разделение архаизированной, возвышенной лексики духовенства и резких, порой циничных солдатских диалогов, отражающих психологическую травму войны.

Адаптация британских реалий: Точная передача названий воинских званий, богослужебной терминологии и специфических реалий быта британского экспедиционного корпуса без потери исторического колорита.

Ритмика и дыхание фразы: Синтаксис Кибла построен на внутренних противоречиях героя — экзальтированных порывах, сменяющихся глубоким разочарованием. Перевод стремится сохранить это нервное, пульсирующее напряжение каждого абзаца.

Перед вами роман, в котором вера и сомнение, долг и страсть сплетены в единый узел. Надеемся, что русский перевод позволит сполна прочувствовать атмосферу времени, когда старый мир уже рушился, а контуры нового еще только проступали сквозь дым сражений и духовных поисков.

Владимир Давыдов

Система персонажей романа

Роман Роберта Кибла — это классический роман идей и глубокой психологической трансформации, где персонажи выступают не просто носителями сюжета, а символами столкновения старого религиозно-викторианского мира с новой, разрушительной и освобождающей реальностью Первой мировой войны.

Ниже представлен подробный разбор главных и второстепенных героев произведения, их ролей и эволюции.

I. Главные действующие лица

1. Саймон Грэм *(Simon Graham)*

Кто он: Молодой британский священник (викарий), добровольно отправившийся на фронт военным капелланом.

Роль в сюжете: Центральный протагонист, через внутренний мир и кризис которого раскрывается вся проблематика романа.

Эволюция: В начале книги Саймон — искренний, но наивный служитель церкви, убежденный в незыблемости догматов, святости сана и спасительной миссии религии. Столкновение с окопной смертью, тыловым развратом и лицемерным церковным истеблишментом приводит к полному краху его веры. Проходя через грех, страсть и глубокие душевные муки, Саймон очищается от наносного ханжества и приходит к пониманию подлинной, сострадательной человечности и искренней любви, не умещающейся в жесткие каноны викторианской морали.

2. Джули *(Julie)*

Кто он / она: Молодая, независимая и раскованная британская медсестра-доброволец (V.A.D.), работающая в тыловых госпиталях во Франции.

Роль в сюжете: Главная женская фигура романа, антипод церковного аскетизма, катализатор духовного освобождения Саймона.

Эволюция: Джули воплощает собой дух «эпохи джаза» и фронтового гедонизма: она свободна от предрассудков, живет одним днем, презирает условности и открыто заявляет о своих чувствах. Именно ее страстная связь со священником разрушает его внутренние барьеры. За внешней дерзостью и цинизмом Джули скрывается глубокая преданность, уязвимость и способность к самоотверженной любви, которые ставят под сомнение моральное превосходство официальной церкви.

II. Второстепенные персонажи и их функции

3. Базиль Деннисон *(Basil Dennison)*

Кто он: Коллега-капеллан, друг и отчасти наставник Саймона в начале службы.

Функция в сюжете: Представитель более «традиционного» и компромиссного духовенства. Если Саймон переживает трагический слом, то Базиль демонстрирует, как церковь приспосабливается к войне, сохраняя внешнее приличие при внутреннем опустошении.

4. Сестра Марион и медицинский персонал госпиталя

Кто они: Представительницы британского сестринского корпуса и тыловой администрации во Франции.

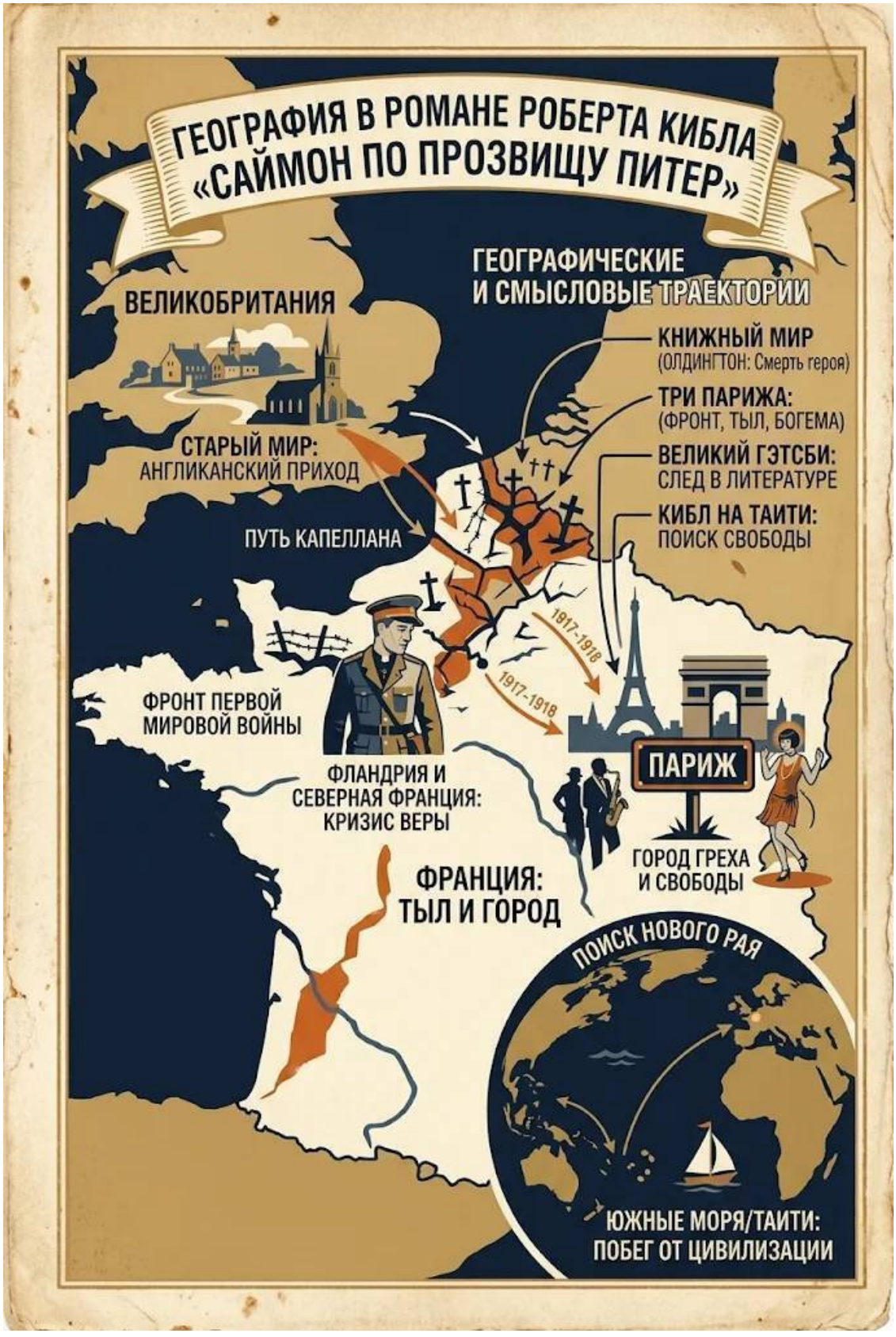
Функция в сюжете: Создают живой, пульсирующий фон тыловой жизни фронтовых лет, где строгая дисциплина и медицинский героизм парадоксально соседствуют с безудержными вечеринками, алкоголем и разрушением пуританских табу.

5. Военные офицеры и рядовые солдаты Британского экспедиционного корпуса

Кто они: Сослуживцы Саймона по фронту и тыловым лагерям.

Функция в сюжете: Обезличенная (или собирательная) масса «потерянного поколения». Их цинизм, фатализм, фронтовой юмор и простота служат для главного героя главным мерилом фальши: солдаты ценят в священнике не знание догматов, а способность разделить их страх и боль без нравоучений.

География романа

Пространственная структура романа Роберта Кибла строится на контрасте между мирной Англией, тыловой Францией и фронтовой зоной. Географическое перемещение главного

героя, Саймона Грэма, дублирует его внутреннее духовное путешествие — от застывшего викторианского благополучия к хаосу войны и эмоциональному освобождению.

1. Англия (Лондон и приходский мир)
Точки на карте: Лондон, тихие приходы английской провинции.

Символика пространства: Мир строгого порядка, традиционных социальных ролей и церковных догматов. Здесь Саймон начинает свой путь как викарий.

Роль в сюжете: Символизирует старую «довоенную» жизнь, безопасную, но лишенную подлинной глубины и эмоциональной правды, от которой герой уезжает на фронт.

2. Франция: Тыловые лагеря и госпитальные базы
Точки на карте: Портовые города и тыловые базы Британского экспедиционного корпуса (БЭК) на севере Франции — Гавр, Кале, Руан, а также Париж.

Символика пространства: «Промежуточный мир» между жизнью и смертью. Место, где концентрируются тыловые офицерские собрания, госпитальные бараки, отели и рестораны.

Роль в сюжете:

Офицерские столовые и госпитальные базы: Пространство, где рушатся старые моральные табу, где алкоголь, джаз и мимолетные связи становятся единственным способом заглушить страх смерти.

Париж: Пространство короткого фронтового отпуска *(leave)*, где роман Саймона и медсестры Джули достигает наивысшей эмоциональной и страстной точки.

3. Линия фронта (The Front / Over There)
Точки на карте: Окопы и передовые позиции в Северной Франции и Фландрии.

Символика пространства: Абсолютный хаос, грязь, разрушение и повседневное присутствие смерти.

Роль в сюжете: Именно на передовой Саймон сталкивается с настоящими человеческими страданиями и видит, насколько бесполезны в окопах академические богословские проповеди. Фронт разрушает его иллюзии о церкви и заставляет искать Бога не в канонах, а в сострадании к живым людям.

4. Восточная Африка (Эпилог и фоновый контекст)
Точки на карте: Британские миссионерские и военные форпосты в Восточной Африке.

Символика пространства: Экзотическое, удаленное от Европы пространство, отражающее собственный миссионерский опыт автора (Роберта Кибла).

Роль в сюжете: Служит контрастным фоном европейской войне, подчеркивая глобальный масштаб перелома эпохи и неизбежность поиска человеком нового места в мире.

Хронологическая схема перемещений Саймона Грэма

Маршрут Саймона Грэма отражает ключевые этапы его внутренней трансформации: от викторианской ортодоксии в Англии к хаосу войны и любовной страсти во Франции, и далее — к личному переосмыслению веры.

Ниже представлена хронологическая схема его перемещений по структуре романа.

Книга / Этап
Локация
Описание событий и духовного состояния

Книга 1. Англия *(Кент и Лондон)*
Приход в Англии Лондон
Старт пути: Саймон служит викарием в тихом английском приходе. Приняв решение отправиться капелланом на фронт, он приезжает в Лондон для прохождения инструктажа и сбора снаряжения. Завершающие дни довоенной привычной жизни.
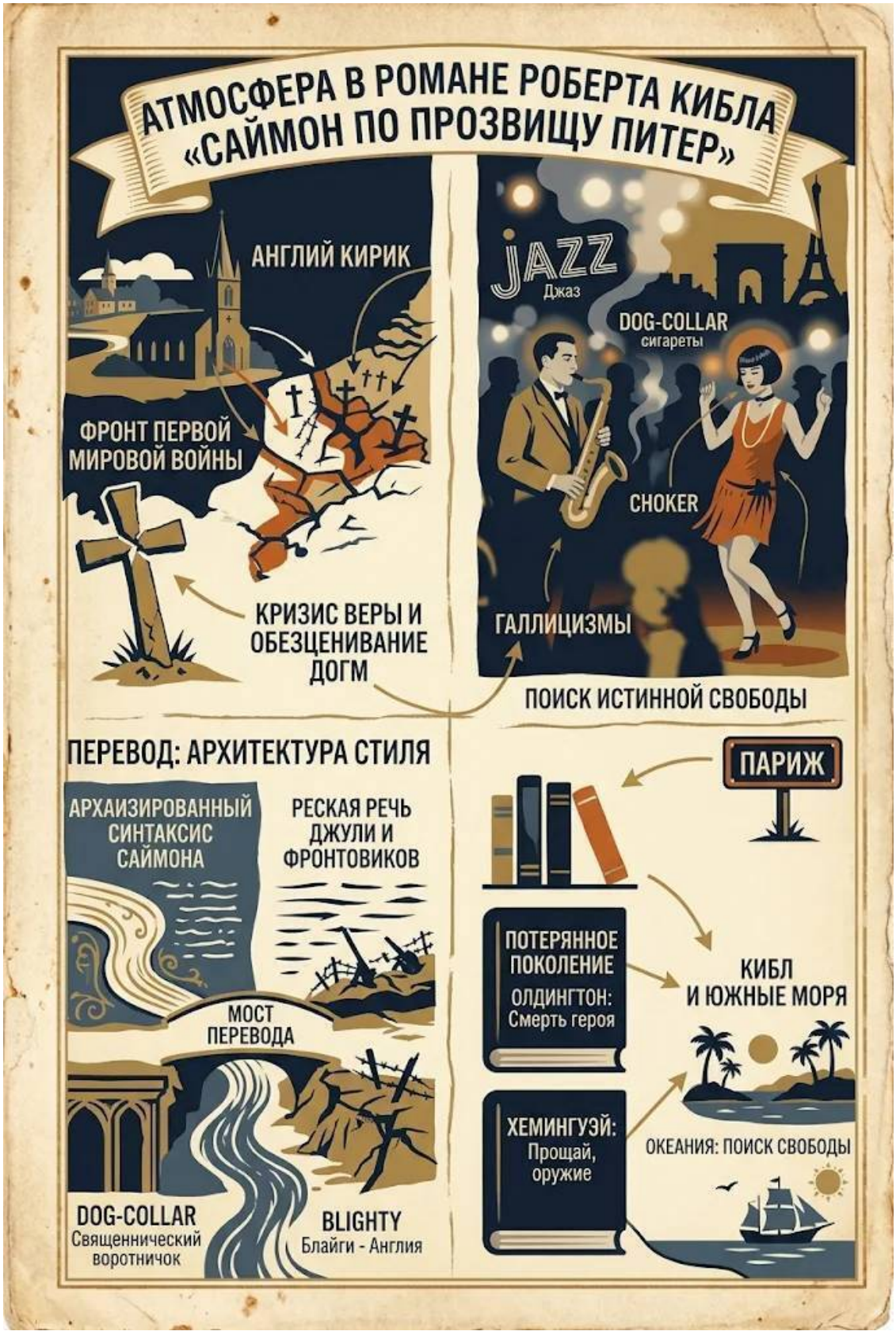
Книга 2. Франция: Тыловая база
Гавр / Кале (Французские порты)
Прибытие на континент: Саймон прибывает в тыловой лагерь Британского экспедиционного корпуса (БЭК). Столкновение с окопной реальностью в тылу, знакомство с офицерским собранием, медсестрами V.A.D. и встрече с **Джули**. Внутренние сомнения в действенности церковных догм.

Книга 3. Линия фронта
Передовая (Северная Франция / Фландрия)
Крушение иллюзий: Служба на передовой в окопах под артобстрелами. Саймон видит смерть, страдания и искренность солдат, понимая полную оторванность официального богословия от фронтовой правды. Психологический надлом.

Книга 4. Фронтовой отпуск
Париж
Эмоциональный и нравственный взрыв: Саймон получает кратковременный отпуск *(leave)* и отправляется в Париж вместе с Джули. Атмосфера отелей, ресторанов и ночного города. Страстный роман, окончательное сбрасывание священнических оков и выбор в пользу живого человеческого чувства.

Эпилог / Финал
Лондон / Африканский вектор
Возвращение и выбор: Возвращение из Франции, сложение сана и поиск нового пути вне рамок Англиканской церкви. Рефлексия миссионерского опыта и отъезд навстречу новой жизни.

Атмосфера романа

Атмосфера романа Роберта Кибла строится на остром, почти осязаемом контрасте между рушащимся старым миром и хаотичной свободой новой эпохи. Это душное, нервное и одновременно завораживающее пространство, где религиозный экстаз переплетается с фронтовым

гедонизмом, а запах церковного ладана глушится дымом сигарет, дешевым алкоголем и пороховой гарью.

1. Тревожная нервозность «жизни накануне смерти»

Вся ткань романа пронизана лихорадочным жаром. Персонажи живут в ощущении, что завтрашнего дня может не быть. Отсюда рождается специфический тыловой и фронтовой гедонизм:

Интенсивность эмоций: Встречи, разговоры и романтические порывы происходят на пределе искренности. У героев нет времени на долгие ухаживания или чинные беседы.

Шум и разгул на фоне катастрофы: Рестораны Парижа, прокуренные офицерские столовые и темные коридоры тыловых отелей наполнены смехом, звуками раннего джаза и звоном бокалов — попыткой заглушить постоянный гул приближающегося фронта.

2. Психологический дуализм и экзистенциальный надлом

Кибл воссоздает атмосферу глубокого духовного разлома. Внутреннее состояние главного героя транслируется на все окружающее пространство:

Священное и профанное: В одной и той же локации — или даже в одной сцене — соседствуют молитва и пьяный кутеж, богословские споры и откровенный флирт.

Тень «потерянного поколения»: В воздухе висит осознание того, что прежние викторианские идеалы — долг, благочестие, послушание — сгорели в окопах. Новые ценности еще не созданы, отчего атмосфера наполнена горьким цинизмом и тоской.

3. Чувственная сенсорика текста

Проза Кибла является очень предметной и насыщена деталями:

Запахи и звуки: Сырость окопной грязи и дезинфектантов в госпитале сменяется тяжелым парфюмом, дымом папирос «Gauloises» и ароматом качественного вина в парижских заведениях.

Светотень: Свет в романе метафоричен — от тусклого, давящего полумрака английских приходов до ослепляющих, хаотичных огней вечернего Парижа и вспышек сигнальных ракет над передовой.

4. Контраст трех ключевых пространств [Анлийский приход] ---> [Фронт и госпиталь] ---> [Парижский отпуск]

В результате складывается атмосфера **«джазового танца на краю пропасти»** — отчаянная, откровенная, трагическая и освобождающая.

Проработка персонажей романа

Глубокая психологическая проработка персонажей в романе Роберта Кибла «Саймон по прозвищу Питер» строится на принципах **морального дуализма** и **системы архетипических контрастов**. Персонажи здесь — не статические фигуры, а динамические проводники

ключевых идей эпохи: отмирания викторианского догматизма, травмы войны и поиска подлинной гуманности.

Для переводчика и исследователя важно понимать внутреннюю механику, мотивацию и речевую характеристику каждого героя.

1. Саймон Грэм (Simon Graham) — Протагонист

Архитектура характера и психотипа

Саймон — классический продукт эдвардианской Англии: образованный, тонко чувствующий, воспитанный в духе религиозного долга и сословных условностей. Его ключевая черта в начале романа — **обостренная совестливость**, которая в условиях мирного прихода превращалась в религиозное ханжество.

Символика имени

Имя героя несет прямую библейскую аллюзию: *Саймон (Симон)*, получивший от Христа имя *Питер (Петр)*.

Симон — человеческая, слабовольная, сомневающаяся природа, подверженная искушениям.

Петр — «камень», духовная зрелость, обретаемая не через слепое следование догме, а через грех, отречение, раскаяние и последующее осознание любви.

Эволюция и ключевые точки перелома

Эдвардианский викарий: Вера как свод правил и канонов. Отстраненность от реальных человеческих страстей.

Фронтовой капеллан: Столкновение с окопным адом. Ознакомление с тем, что церковный язык абсолютно не трогает солдат, идущих на смерть. Начало духовного кризиса.

Парижское грехопадение: Связь с Джули. Разрыв с формой (саном) ради обретения содержания (живого чувства и сострадания).

Новое откровение: Осознание, что Бог присутствовал не в епископских проповедях, а в жертвенности солдат и искренности любви падших, с точки зрения церкви, людей.

Речевой портрет для перевода

В начале: Изысканный, академичный синтаксис, изобилие богословских оборотов, сдержанная и немного чопорная интонация.

В финале: Отрывистая, экспрессивная речь, появление фронтовых выражений, эмоциональная открытость.

2. Джули (Julie) — Главный женский образ и катализатор

Архитектура характера

Джули — предвестница «джазового века» и образ женщины «потерянного поколения». Она медсестра V.A.D., ежедневно видящая смерть, ампутации и страдания. Ее цинизм и гедонизм — это **защитная реакция психики** на кошмар войны.

Функция в системе персонажей

Джули выступает в роли «духовного зеркала» Саймона. Она не пытается искусить его из злобы; напротив, ее искренность и отсутствие лицемерия вскрывают фальшь того мира, к которому принадлежал Саймон.

Параметр
Саймон (в начале)
Джули

Отношение к морали
Внешние догмы и правила
Внутренняя честность с собой

Отношение к жизни
Подготовка к вечности
Проживание каждого дня как последнего

Отношение к греху
Страх нарушить табу
Принятие человеческой природы со всеми слабостями

Речевой портрет для перевода

Живая, ироничная, легкая речь с употреблением армейского и госпитального сленга. В разговорах с Саймоном она часто использует ласково-провокационные интонации, ломающие его привычную дистанцию.

3. Второстепенный коллективный портрет

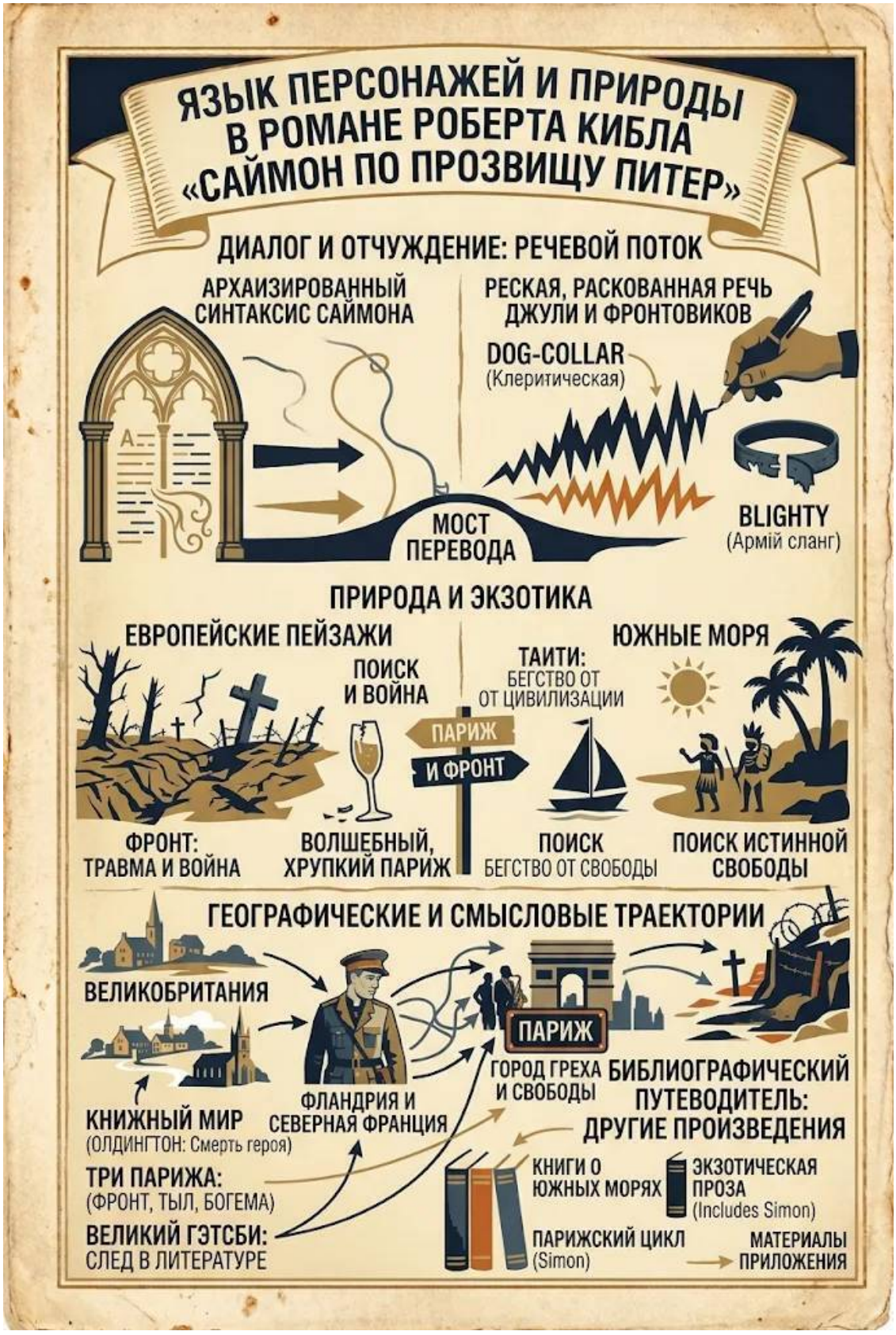
Базиль Деннисон (Basil Dennison)
Типаж: «Благополучный священник».

Психологическая роль: Показывает конформный путь. Деннисон видит те же ужасы войны, что и Саймон, но выбирает спрятаться за ритуалами и алкоголем, не меняя ничего внутри. Он служит фоном, подчеркивающим смелость духовного бунта Саймона.

Солдаты и офицеры Expeditionary Force
Типаж: Окопная масса.

Психологическая роль: Носители трагической правды. В разговорах с ними Саймон понимает: перед лицом смерти человеку нужен не богословский догмат, а сочувствующий товарищ. Их простые, грубоватые диалоги контрастируют с возвышенными размышлениями протагониста.

Язык персонажей и природы

Язык персонажей и природы в романе «Саймон по прозвищу Питер»

Одной из самых сильных сторон романа Роберта Кибла является то, как через стилистику речи персонажей и метафору природы автор передает масштабный духовный перелом эпохи.

Текст пронизан двойственностью: сухому, отгородившемуся от жизни языку старой церкви противостоит пульсирующая, плотская, стихийная «речь» фронта, Парижа и самой природы.

Ниже представлен подробный разбор того, как устроены эти два пласта — речевой мир героев и природная символика.

I. Язык и речевые регистры персонажей

Речь в романе строго функциональна и работает как маркер социального и духовного расслоения. Кибл мастерски сталкивает три разных речевых потока:

1. Церковный и эдвардианский дискурс (речь Саймона в начале)

Лексика: Возвышенная, архаизированная, насыщенная абстрактными богословскими понятиями (*grace, salvation, duty, soul*).

Синтаксис: Плавный, периоды речи длинные, выверенные, академичные.

Функция: Отражает оторванность героя от реальной жизни. Этот язык звучит правильно, благопристойно, но абсолютно безжизненно в условиях окопного ужаса. Когда Саймон пытается говорить с солдатами на этом языке, он сталкивается с глухой стеной непонимания.

2. Фронтовой и окопный сленг (речь солдат и офицеров)

Лексика: Грубоватая, циничная, полная военных аббревиатур, локальных меронимов и эвфемизмов смерти (*Blighty, push, over the top, Blighty wound*).

Синтаксис: Рубленый, короткий, эмоционально заряженный.

Функция: Язык выживания. Солдаты не рефлексируют глобально — они говорят о малом, чтобы не сойти с ума от общего масштаба бойни. Их реплики лишены фальши, и именно об эту речевую правду разбиваются иллюзии Саймона.

3. Эмансипированный язык «эпохи джаза» (речь Джули и тыловой молодежи)

Лексика: Легкая, дерзкая, провокационная, с элементами светского сленга и парижских заимствований.

Синтаксис: Стремительный, диалогичный, построенный на парадоксах и вызове условностям.

Функция: Джули разрушает речевые барьеры Саймона. Ее интонации лишены ханжества; она называет вещи своими именами, заставляя священника отказаться от заумных метафор и заговорить на языке искренней человеческой уязвимости.

II. Язык природы и пространственные метафоры

Природа в романе не является нейтральным фоном. Она активно участвует в психологическом действии, зеркально отражая внутренний распад старой веры и рождение нового чувства.

1. Удушливая природа Англии (Приходское уединение)

Образы: Аккуратные английские лужайки, туманные утренние сады, тихие приходские кладбища.

Смысл: Это природа *одомашненная*, прирученная викторианской культурой. Она символизирует иллюзорную безопасность, порядок, где ничто не предвещает бури. Для Саймона это пространство духовного стагнационного покоя.

2. Стихия войны: Грязь, железо и огонь (Фронт)

Образы: Развороченная воронками земля Фландрии, беспросветная грязь окопов, холодный дождь, багровые вспышки артиллерии и едкий дым.

Смысл: Природа здесь изнасилована войной, она лишена своей пасторальной красоты и превратилась в филиал ада. Стихия подчеркивает крушение гуманистических иллюзий: Бог, о котором проповедовал Саймон, кажется здесь абсолютно отсутствующим.

3. Освобождающая стихия юга и ночного Парижа

Образы: Яркое солнце, лазурные воды (в воспоминаниях об Африке и южных миссиях), огни ночного Парижа, тяжелый аромат духов и вина.

Смысл: Природа и городское пространство сливаются в единый экстатический поток. Жизнь заявляет о себе через плоть, тепло, страсть и инстинкт. Проходя через эту стихию греха и освобождения, Саймон сбрасывает с себя «мёртвую кожу» догматизма и возвращается к подлинному, первозданному восприятию мира.

Детали быта персонажей романа

Материальный мир в романе Роберта Кибла выполняет важнейшую художественную функцию. Через бытовые детали, окружающие героев, автор наглядно демонстрирует столкновение двух эпох: рушащегося уюта викторианско-эдвардианской Англии и лихорадочного,

пронизанного тревогой быта Первой мировой войны. Ниже подробно рассмотрены ключевые пласты предметного мира и быта персонажей.

1. Английский приходской быт: Оазис иллюзорного порядка

В начале романа быт Саймона Грэма пропитан атмосферой традиционного британского комфорта, который казался вечным и незыблемым:

Интерьеры и утварь: Плотные шерстяные гардины, массивные дубовые кресла у камина, фарфоровые чайные сервизы, ряды кожаных корешков богословских трудов на полках.

Одежда: Безупречно выглаженные сутаны, крахмальные воротнички, твидовые костюмы для прогулок по приходу.

Смысл быта: Этот уклад символизирует духовную стабильность и социальную защищенность. Однако за внешней респектабельностью скрывается нарастающая мертвенность — быт здесь превратился в заученный ритуал, ограждающий человека от реальной жизни.

2. Окопный и фронтовой быт: Эстетика выживания

Попадая на фронт и в тыловые лагеря во Франции, Саймон сталкивается с полным разрушением привычного комфорта. Здесь материальный мир редуцирован до примитивных предметов необходимости:

Обстановка: Сырые землянки и блиндажи, сколоченные на скорую руку деревянные столы, полевые койки, затхлый запах грязи, табачного дыма и карболита.

Амуниция: Промокшая насквозь форма цвета хаки, тяжелые солдатские сапоги, стальные каски, фляги с дешевым спиртным и непременная трубка или сигарета, помогающие заглушить постоянный стресс.

Госпитальный быт: Ряды коек в полевых лазаретах, запах бинтов, хлорки и крови. Медсестры V.A.D. (к которым принадлежит Джули) носят строгую форму с красными крестами, но даже этот стерильный быт постоянно прорывается стихийным желанием жить «здесь и сейчас».

3. Тыловой гедонизм: Париж и офицерские клубы

Контрастом фронтовой грязи выступает быт тылового Парижа и офицерских собраний, где герои пытаются утопить ужас войны в лихорадочном веселье:

Гастрономия и алкоголь: Дорогое французское вино, шампанское, изысканные блюда в парижских ресторанах — символ того, что цивилизация еще существует, хотя бы за столиком кафе.

Мода и стиль: Легкие платья по моде начала 1920-х годов, шелковые чулки, дорогие духи, сменяющие суровый запах окопной гари.

Смысл быта: Этот гедонизм не является признаком праздности; это защитный механизм «потерянного поколения». Роскошь и чувственные удовольствия здесь соседствуют с отчаянием — люди спешат насытиться жизнью, зная о ее хрупкости.

4. Роль бытовых деталей в эволюции героя

Переход от одного типа быта к другому маркирует душевную трансформацию Саймона:

Отказ от внешнего декора: Снятие крахмального воротничка и священнической сутаны становится материальным эквивалентом внутреннего бунта против фальши.

Принятие телесности: Через грубый быт фронта и чувственный быт парижских свиданий с Джули Саймон учится ценить простую человеческую плоть, тепло и искренность, отвергнутые пуританской моралью.

Сравнительная таблица бытовых реалий английского прихода и тылового Парижа в романе

Бытовая сфера
Английский приход (Мирный быт)
Тыловой Париж (Гедонистический быт)

Пространство и интерьер

Дубовые книжные шкафы, плотные шерстяные гардины, камины, фарфоровые чайные сервизы, тихие приходские кабинеты.

Зеркальные залы ресторанов, номера отелей, прокуренные кабаре, огни бульваров, забитые кафе.

Одежда и внешний вид

Чопорные сутаны, крахмальные воротнички, строго застегнутые жилеты, твидовые костюмы для прогулок.

Шелковые платья свободного кроя, чулки, форменная шинель хаки со сброшенными знаками различия, дорогие духи.

Еда и напитки

Традиционный английский чай о 5 часах, сдержанный обед, строгость в употреблении алкоголя.

Французское шампанское, коньяк, изысканные блюда французской кухни, сигареты «Gauloises».

Звуковой и визуальный фон

Звон церковных колоколов, тихий шелест страниц, размеренная тишина английской провинции.

Звуки раннего джаза, звон бокалов, громкий смех, шум экипажей и авто, нарастающий нервный ритм.

Символическое значение

Застывший порядок, викторианский аскетизм, иллюзия вечной безопасности и табуированная телесность.

«Танец на краю пропасти», торжество плоти и чувств, попытка забыть войну и проживание дня как последнего.

ЧАСТЬ I
Глава I

В то воскресное утро Лондон словно был наполнен акварелью: светло-голубое небо и бледные пляшущие солнечные лучи ласкали закопчённые камни Вестминстера, точно юная девушка — старого возлюбленного. Пустынные, чисто подметённые улицы купались в свете и казались преображёнными, совсем не похожими на улицы будних дней. И всё же добрая половина лондонцев ещё нежилась в постелях — быть может, потому, что после шести утр повседневной действительности им было не до волшебства седьмого.

Питер, однако, почти не замечал этой красоты. Он, как всегда, шёл быстро и смотрел по сторонам, но ничто из этого не привлекало его внимания. Правда, на мгновение его задержал трепетавший на ветру газетный лист с заголовками, приколотый к ограде церкви Святой Маргариты; но лишь потому, что сообщал о том самом, что неотступно звучало у него в голове, и не имел никакого отношения к красоте окружавшего его мира.

Это был безупречно одетый молодой человек, в сюртуке и шёлковом цилиндре, как подобало лондонскому священнослужителю; он направлялся проповедовать на утренней службе в церкви Святого Иоанна. Ходьба всегда помогала ему готовиться к проповедям, и при обычных обстоятельствах эту проповедь он счёл бы особенно достойной подготовки. Кафедра церкви Святого Иоанна означала для него ещё одну ступень вверх по лестнице. В этом большом, модном храме, сохранившем верования и обычаи середины викторианской эпохи, по воскресным утрам собирались прихожане, о которых настоятель заботился с особенным вниманием. Уже само приглашение проповедовать здесь немало говорило о Питере. Ему следовало иметь перед собой ясный, продуманный план и несколько тщательно отшлифованных фраз для начала и заключения. В середине проповеди он мог положиться на себя и прекрасно это сознавал. Он откровенно любил проповедовать: не только так, как актёр любит властвовать над зрителями, но и потому, что всегда знал, что хочет сказать, и искренне стремился убедить людей в справедливости своих доводов. И всё же этим утром, когда ему следовало подготовиться как можно лучше, он оказался совершенно не готов.

Впрочем, строго говоря, это было не совсем так: у него имелся текст из Писания, и именно он полностью завладел его мыслями. Но этот текст оказался для него слишком велик. Подобно по крайней мере некоторым другим людям в Англии в тот день, Питер сознавал, что смотрит вдоль дороги, ведущей к трагедии, и это зрелище приводило его в ужас. Обрывки мыслей и отдельные фразы возникали и исчезали в голове. На ходу он мысленно подыскивал слова. Снова и снова повторял избранный стих. Его поражала простота этих слов; его ужасала их глубина.

Хильда ждала его у почтового ящика, как и обещала, и, хотя она никак не могла об этом догадаться, её присутствие раздражало Питера. Сейчас ему не хотелось её видеть. Он и сам едва ли сумел бы объяснить почему — разве только потому, что этим утром она каким-то образом совершенно не соответствовала его мыслям. Даже в превосходном коричневом костюме, так хорошо облегавшем её стройную фигуру, она казалась неуместной — и впервые в жизни он почувствовал это.

Они ещё не были официально помолвлены, но между ними существовало молчаливое соглашение, которое семья Хильды постепенно начинала признавать. Поначалу мистер Лессинг ни за что не согласился бы на помолвку: у него были другие планы относительно дочери, выросшей в большом доме на Парк-лейн. Богатый коммерсант из Сити, церковный староста церкви Святого Иоанна, влиятельный человек в своей партии и уважаемая особа в своём клубе, он был бы крайне недоволен, если бы дочь задумала выйти замуж за младшего священника, чьи

дарования ещё не обеспечили ему достаточного дохода. Но он признавал, что молодой человек может далеко пойти. «Молодой Грэм? — говаривал он. — Да, способный молодой человек, сэр, с поистине замечательными дарованиями. Насколько мне известно, епископ очень высокого о нём мнения. Проповедует необыкновенно хорошо. Настоятель говорил, что однажды утром пригласит его выступить в церкви Святого Иоанна…»

Приход Питера Грэма простирался до самой реки и включал трущобы, которыми интересовались некоторые дамы из церкви Святого Иоанна (прихожане которой позаботились о том, чтобы в непосредственной близости от их собственных домов ничего подобного не было). Так молодые люди и познакомились. Она нашла его достойным восхищения и приятным человеком; он счёл её чрезвычайно благопристойной и, по всей видимости, недоступной. А из столь холодных составляющих порой рождается гораздо больше, чем можно предположить.

Во всяком случае, теперь миссис Лессинг ничего не говорила, когда Хильда воскресным утром перед завтраком отправлялась опустить письмо в почтовый ящик. Но если бы девушка пошла на встречу с молодым человеком, мать мягко выразила бы своё неодобрение. Такой когда-то была Англия и, несмотря на кайзера, возможно, когда-нибудь станет вновь.

— Я уже почти собралась уходить, — объявила Хильда. — Ты немного опоздал.

— Знаю, — ответил он. — Ничего не мог поделать. Ранняя служба затянулась дольше обычного. Но я рад, что увидел тебя до завтрака. Скажи, что твой отец думает обо всём этом?

Девушка слегка пожала плечами. — О, он говорит, что война невозможна. Кредитная система делает её невозможной. Но если он действительно так считает, не понимаю, зачем повторяет это так часто и с таким жаром. Ах, Питер, а ты что думаешь?

Молодой человек невольно ускорил шаг. — Думаю, это неизбежно, — сказал он. — Нам придётся вступить в войну. Я бы скорее сказал, что именно кредитная система не позволит нам остаться в стороне. Пол-Европы не может воевать, пока мы сидим сложа руки. Только не в наши дни. А если война начнётся… Господи, Хильда, ты понимаешь, что это значит? Я не представляю, чем всё кончится; мне лишь кажется, что нас ждёт страшное крушение… О, мы, конечно, выстоим, но никто, похоже, не видит, что наша привычная жизнь рассыплется, как карточный домик. А что станется с бедняками? Разве ты не видишь, сколько несчастных душ затянет в этот водоворот, словно… словно… — Он осёкся. — Не могу найти слов, — произнёс он, нервно жестикулируя. — Это нечто колоссальное.

— Питер, ты собираешься проповедовать об этом, я же вижу. Но, пожалуйста, следи за своими словами. Мне было бы ужасно неприятно, если бы отец расстроился. Он такой… ах, не знаю! Такой англичанин, пожалуй. Он терпеть не может, когда его выбивают из привычной колеи, и не поверит, что всё это возможно.

Она тревожно взглянула на него снизу вверх (совсем чуть-чуть, насколько ей для этого требовалось). Грэм улыбнулся. — Я знаю мистера Лессинга, — сказал он. — Но, Хильда, ему придётся изменить свои взгляды. Как знать, может быть, он ещё наденет хаки!

— Ах, Питер, не говори глупостей! Отцу ведь пятьдесят, и он, мягко говоря, не в лучшей форме, — рассмеялась она. Потом добавила серьёзно: — Но, ради бога, не говори таких вещей — хотя бы ради меня.

Питер серьёзно посмотрел на неё и придержал калитку. — Я запомню, — сказал он, — но могут случиться вещи и менее вероятные, чем это.

Они вместе прошли по дорожке, и Хильда вставила ключ в замок двери. Когда дверь открылась, её словно впервые осенила какая-то мысль. — А что будешь делать ты? — неожиданно спросила она.

Миссис Лессинг как раз входила в столовую, и Питеру не пришлось отвечать. — Доброе утро, мистер Грэм, — приветливо произнесла она, выходя навстречу. — Я подумала, что Хильда, возможно, встретит вас: ей нужно было отправить письмо. Проходите. После прогулки вы, должно быть, проголодались.

Слуга придержал дверь, и все вошли. Волшебный солнечный свет играл на серебре накрытого к завтраку стола и озарял комнату, которая в другое время выглядела довольно мрачной. Миссис Лессинг откинула крышку серебряного блюда и опустила яйца вариться. Она нажала кнопку звонка на столе и села как раз в тот момент, когда мистер Лессинг довольно тяжёлой походкой вошёл со сложенной газетой в руке.

— Доброе утро, Грэм, — сказал он. — Доброе утро, Хильда. Уже успели погулять, а? Ну что ж, чудесное утро! Сразу чувствуешь себя на десять лет моложе. Но что вы думаете обо всём этом, Грэм? — С этими словами он помахал газетой.

Питер успел заметить лишь зловещий газетный заголовок —

«ГЕРМАНИЯ ОБЪЯВИЛА ВОЙНУ РОССИИ»,

когда он подошёл к столу. Но читать ему было незачем: по существу, новостей не было — только это. — Думаю, теперь война неизбежна, сэр, — сказал он.

Грэм машинально разбил яйцо. Мысли о проповеди возвращались к нему. Он представлял себе церковь, полную таких Лессингов, и ещё отчётливее — всё остальное. — А как же Бельгия? — спросил он. — Разве наша честь не обязывает нас защитить её?

Мистер Лессинг поправил салфетку, заметно встревоженный. — Да, но что мы можем сделать? — потребовал он ответа. — Какая польза посылать за море горстку солдат, даже если мы сможем? Немыслимо — английские войска во Фландрии в нашем столетии! По моему мнению — подчёркиваю, по моему мнению, — нам лучше оставаться в полной готовности. Германия никогда не посмеет всерьёз выступить против нас. Они знают, чем это грозит. Ведь на карту поставлены сотни миллионов фунтов! Грею достаточно проявить твёрдость, и всё непременно уладится. Непременно — совершенно непременно.

— Энни говорила сегодня утром, папа, что вчера вечером слышала, как все на улицах твердили, что мы должны воевать, — вмешалась Хильда.

— Пф! — воскликнул видный делец из Сити, задетый за живое. — Что эти дураки в этом понимают? Полагаю, «Дейли мейл» поднимет крик, но, слава богу, наша страна ещё не совсем пошла ко всем чертям. Народ, видите ли! Подавляющее большинство страны стоит за здравый смысл и деловые интересы и доверяет правительству. Конечно, консервативная пресса постарается использовать весь этот вопрос как рычаг партийной борьбы, если сможет, но ничего у неё не выйдет. Что же, нас втянут в войну толпа и несколько журналистов? Да ведь даже лейбористы будут решительно против. Ну же, Грэм, вы-то должны кое-что об этом знать. Это скорее по вашей части, чем по моей, не так ли?

— Тебе действительно не следовало бы позволять служанкам так разговаривать, — мягко заметила миссис Лессинг.

Питер взглянул на неё со странным чувством безнадёжности и медленно обвёл глазами комнату, пока его взгляд не остановился на портрете мистера Лессинга над камином, который прихожане церкви Святого Иоанна преподнесли ему по какому-то случаю два года назад. От портрета он перевёл взгляд на самого мистера Лессинга, но говорить ему ничего не пришлось. Тот что-то говорил слуге — вероятно, велел подать автомобиль. Питер посмотрел на Хильду, которая ответила что-то матери и теперь играла ложечкой. Ему показалось, что никогда прежде он не видел её такой красивой и… Он не мог подобрать слова. На ум пришло «основательной», и он улыбнулся этой мысли. Это слово никак не вязалось с солнечным светом на её волосах.

— Ну что ж, ну что ж, — сказал мистер Лессинг. — Нам пора собираться. Ни вам, ни мне не пристало опаздывать, господин проповедник.

По воскресным утрам прихожане церкви Святого Иоанна собирались с важностью и достоинством, подобающими их положению. Семьи являлись в полном составе или присылали двух-трёх представителей и с должной торжественностью направлялись к своим закреплённым скамьям. Разумеется, по пути никто ни с кем не здоровался, но каждая дама успевала заметить не только других присутствующих дам, но и то, во что каждая была одета. Поблизости

обычно находился церковный распорядитель с видом чрезвычайной важности, словно, открывая дверцы скамей, он исполнял обязанности скорее перед Всевышним, нежели перед прихожанами. Внутри начиналась небольшая, строго упорядоченная суета: подставки для коленопреклонения распределялись по надобности, молитвенники извлекались после торжественного отпирания маленького ящика, где они хранились, трости и шляпы убирались в надёжное место. Покончив с этими обязанностями, глава семейства бросал проницательный взгляд вокруг и изящно наклонялся вперёд, совершая некое круговое движение. Должным образом обратившись к Всемогущему Богу — по крайней мере, так следовало предполагать, — он откидывался назад, поправлял брюки, иногда опирался локтем на дверцу скамьи и устремлял неподвижный решительный взгляд на далёкий алтарь.

Питер, разумеется, вошёл под торжественную музыку вместе с процессией мальчиков и взрослых певчих. Поскольку ему предстояло проповедовать, ему оказали честь сопровождением церковного служителя с серебряным жезлом, а затем усадили на подобающее место с мягкой подушкой внутри алтарной ограды. Он преклонил колени для молитвы, но ему с трудом удавалось облечь мысли в слова. В это утро он особенно остро чувствовал, что за привычным миром, даже за всей этой хорошо знакомой ему пышностью и церемониальностью, скрывается смысл, которого прежде он не ощущал и не подозревал. Когда старший викарий начал нараспев произносить вступительные слова службы — с интонацией, вполне достойной самой церкви Святого Иоанна, — Питер, как полагалось, поднялся и позволил себе рассмотреть всё вокруг так внимательно, как никогда прежде.

В утреннем солнечном свете церковь и в самом деле выглядела прекрасно. Галереи и деревянная отделка эпохи Возрождения, смягчённые временем, были словно припорошены мягким тёплым сиянием; даже немногочисленные прихожане, расположившиеся великолепно обособленными группами, казались от этого человечнее. Каменные стены алтарной части, оживлённые цветными отблесками, обладали спокойным достоинством, и даже сам алтарь, нелепый с точки зрения церковного устройства, имел своеобразное изящество. После утрени предстояло причастие. Поэтому старинную золотую церковную утварь расставили на алтарной полке так, словно это были выставочные изделия в витринах ювелирного дома «Маппин и Уэбб». Питер заметил три кувшина, а между ними — два больших дискоса. Другая, меньшая пара, предназначенная для службы, стояла на столике для священных сосудов. Золотая чаша и дискос, покрытые покровцами, находились на самом престоле; позади них возвышался крест, по обе стороны которого стояли две вазы с оранжерейными лилиями. Большое блюдо для пожертвований, напоминавшее один из огромных чеканных золотых щитов, изготовленных царём Соломоном для Иерусалимского храма, стояло на ребре, прислонённое к алтарной полке справа от покрытой чаши. Питер невольно изумился его размерам, но необходимость преклонить колени для общей исповеди вернула его к происходящему.

Богослужение шло своим обычным чередом, и всё это время Питер мучительно сознавал, насколько беспорядочна его будущая проповедь. Время от времени он заглядывал в заметки, но затем решительно откладывал их, понимая, что они почти ничем не помогут. Либо в последний момент ему удастся придать ясную форму мыслям, стремительно проносившимся в голове, либо останется лишь занять кафедру на положенные двадцать минут и произнести обычную, ничем не примечательную проповедь. Порой он почти решался выбрать более лёгкий путь, но тогда перед глазами вновь возникали огромные буквы газетного плаката, и он понимал, что не сможет. Наконец перед ним появился почтительно поклонившийся служитель с серебряным жезлом, и Питеру пришлось отправиться в небольшой торжественной процессии к высокой кафедре времён Якова I, наверху которой лежала бархатная подушка.

Во время этой проповеди в душе Хильды происходило нечто любопытное. Сначала, когда над краем кафедры показалась его тёмная коротко остриженная голова её возлюбленного, она смотрела на него со странной смесью гордости и тревоги. В руках у неё был сборник гимнов,

хотя сейчас он ей совершенно не требовался. Она украдкой наблюдала, как Питер открыл Библию, разложил несколько листков и, следуя обычаю, преклонил колени для молитвы. Она принялась смутно мечтать о будущем: быть может, однажды станет женой настоятеля такой же церкви Святого Иоанна, а позднее — даже супругой епископа. Она знала, что Питер способен далеко пойти. Хильда украдкой оглянулась, испытывая неловкое чувство, словно окружающие могли догадаться о её мыслях, затем вновь посмотрела на Питера и неожиданно задумалась: действительно ли она знает этого человека или только священнослужителя? Потом послышался шелест закрываемых книг; прихожане устраивались поудобнее, кто-то негромко кашлянул, зашуршали подставки и подушки. И вдруг, почти одновременно с оглашением библейского текста, наступила внезапная тишина — та напряжённая тишина, которая свидетельствовала, что молодой оратор полностью овладел вниманием слушателей.

После этого она словно перестала слышать в нём своего Питера и уж во всяком случае утратила прежнее чувство, будто он принадлежит ей. Когда он наклонился над кафедрой и его слова зазвучали с такой страстной силой, что временами казались почти резкими, она, как и остальные прихожане, начала видеть перед собой картины, которые вызывал в их воображении проповедник. Её охватило предчувствие надвигающейся катастрофы — ощущение, будто она уже становится свидетельницей конца целой эпохи.

«Иисус сжалился над народом» — таков был короткий и простой текст проповеди. Простые слова, говорил проповедник. Но какими они становятся, когда человек осознаёт, Кто именно проявил сострадание и к кому оно было обращено! Сам Всемогущий Бог, чей воплощённый Разум был устремлён к осуществлению великих замыслов, охватывающих целые века, словно на мгновение остановился, чтобы пожалеть голодных женщин, плачущих младенцев и людей, чьи мелкие, запутанные житейские заботы могли бы показаться совершенно ничтожными на фоне мировой драмы. И затем несколькими короткими, выразительными фразами проповедник перешёл от этого евангельского события к мировой драме сегодняшнего дня. Понимают ли они, спрашивал он, в это светлое, мирное воскресное утро, что миллионы простых людей в эту самую минуту бросают друг против друга, заставляя калечить и убивать? По приказу сил, которые даже сами эти люди едва способны представить, во имя мировой политики, которую не понимает и один человек из тысячи и которую почти никто не в состоянии оправдать, разрушаются семьи, плачут женщины, а дети, играющие на солнце у дверей своих домов, уже сейчас остаются без отцов. Всё это казалось невероятным, колоссальным, невообразимым. Но стоило попытаться представить происходящее, как возникало ощущение, будто ад разверз свою пасть, а Смерть вышла в мир, чтобы убивать. Уже сама мысль о том, что огромные поля сражений вскоре покроются телами умирающих и мёртвых, была достаточно ужасна. Но последствия такой войны окажутся ещё страшнее. Никто не мог сказать, насколько близко она подойдёт к каждому из них. Никто не мог предвидеть, какой переворот в нравственных представлениях и общественном устройстве способна вызвать подобная война. В этот день Сам Бог взирал на людское множество как на овец, не имеющих пастыря, брошенных на растерзание волкам. И Его сердце билось божественным состраданием ко всем бесконечным страданиям мира.

Больше проповедник почти ничего не добавил. Он лишь призвал прихожан вернуться домой, проникнуться страхом Божьим, молиться и привести свои дела в порядок перед наступлением Дня гнева. «Братья мои, — произнёс молодой человек, и сила его переживаний придала этому привычному обращению необычайную торжественность, — никто не может сказать, как события нынешней недели отразятся на нас. Быть может, наши ноги уже вступают в Долину смертной тени — долину искушений, борьбы и смерти; быть может, уже сейчас для нас готовится чаша, испить которую нам будет страшно. Помолимся же о том, чтобы в этот час сострадание Иисуса стало для нас живой реальностью, а мы сами обрели надёжное прибежище в Его скорбящем Сердце».

И, не произнеся больше ни слова, он покинул кафедру. Со стороны это могло бы показаться почти смешным, если бы кто-нибудь заметил, что застигнутый врасплох церковный служитель не услышал привычного заключительного славословия «А теперь Богу Отцу…», во время которого должен был успеть подойти к кафедре, и ему пришлось поспешно встретить Питера уже на полпути к алтарю. Но, вероятно, никто, кроме самого служителя, чьё достоинство не поколебало бы даже падение королевских престолов, этого не заметил. Прихожане воздали проповеднику высшую похвалу: ещё минуту или две они продолжали сидеть в полной тишине. На короткое мгновение они всё ещё смотрели действительности прямо в лицо. Затем мистер Лессинг пошевелился на своей скамье и кашлянул, настоятель поднялся с обычной своей напыщенностью, чтобы объявить следующий гимн, а Хильда неожиданно обнаружила на глазах непривычные слёзы.

Старший викарий торжественно снял покров с чаши и перенёс её. Взяв хлеб и вино, он поставил священные сосуды у северного края алтаря, вернулся к середине, развернул литургический плат, принял пожертвования и с такой же торжественностью водрузил огромное золотое блюдо прямо на плат — следуя бессмысленному церковному обычаю. Затем последовала продолжительная молитва и торжественная процессия в ризницу, тогда как с десяток-другой прихожан остались со старшим викарием для причастия.

Грэм оказался в маленькой внутренней ризнице, где стояли стол, покрытый зелёным сукном, массивная чернильница и книги церковных записей, и машинально принялся снимать облачение. Он достал сюртук из красивого резного шкафа и складывал капюшон и стихарь, когда настоятель покровительственно положил ему руку на плечо. — Хорошая проповедь, Грэм, — сказал он. — Хорошая проповедь, хотя и несколько эмоциональная. Жаль, что вы забыли заключительное славословие. Но событие это великое — боюсь, даже более великое, чем мы сознаём, — и вы оказались на высоте. Вчера вечером я уже подумывал позвонить вам, попросить не приходить и проповедовать самому, но теперь рад, что не сделал этого. Уверен, мы все вам очень благодарны. Не правда ли, сэр Роберт?

Сэр Роберт Дойл, другой церковный староста, складывал золотые соверены аккуратными стопками на зелёном сукне, а мистер Лессинг с привычной непринуждённостью пересчитывал серебро. Сэр Роберт тоже был столпом церкви, но при этом — военным и человеком прямым. Он добродушно повернулся к молодому священнику.

— Прямо в цель, настоятель, — сказал он. — Может, хоть некоторых из нас это заставит встрепенуться. По дороге в церковь я встретил Арнольда из Военного министерства, и он сказал, что война неизбежна. Конечно, неизбежна. Германия годами к ней готовилась, а мы, дураки, были слепы и безумны. Но теперь война начнётся. Слава богу, я ещё кое на что гожусь; быть может, мы с вами ещё встретимся там, на фронте, а, мистер Грэм?

До этой минуты такая сторона вопроса почему-то не производила на Питера сильного впечатления. Он был настолько поглощён мысленным созерцанием хода мировых событий, что почти не думал о себе как об одном из множества людей, которых они затронут. Но теперь вопрос коснулся его непосредственно. Что станет делать он сам? На мгновение Питер растерялся.

Однако настоятель пришёл ему на помощь. — Ну что ж, ну что ж, разумеется, сэр Роберт, если не считать военных капелланов, место духовенства почти наверняка останется здесь, на родине. Посещение госпиталей и тому подобные обязанности отнимут много времени. Насколько мне известно, управление главного военного капеллана полностью укомплектовано, но, несомненно, если возникнет потребность, духовенство откликнется. Конечно, каноническое право запрещает священнослужителям сражаться, хотя наш молодой друг, без сомнения, охотно внёс бы и такой вклад, если бы мог. Вы ведь состояли в университетском офицерском учебном корпусе в Оксфорде, не так ли, Грэм?

— Да, — коротко ответил Грэм.

— Французских священников мобилизуют вместе со всей нацией, — заметил сэр Роберт.

— Ах да, разумеется, — ответил настоятель. — Это одно из последствий недавнего антиклерикального законодательства. Слава богу, нашу страну подобная участь миновала, да и вообще у нас никогда не будет всеобщей воинской повинности. Вероятно, армию придётся увеличить — по меньшей мере на полмиллиона человек, полагаю. Значит, понадобится больше капелланов, но, думаю, епископы сами произведут отбор. О да, несомненно, их преосвященства сами выберут подходящих людей. Было бы жаль, если бы вы отправились туда, Грэм: с нашими солдатами приходится нелегко, а ваши дарования нужны дома. Викарий церкви Святого Фомы очень высоко отзывается о ваших организаторских способностях, и, несомненно, для вас найдётся подходящее поприще. Ну что ж, ну что ж, времена наступают волнующие. До свидания, мистер Грэм.

Он протянул молодому человеку руку. Мистер Лессинг, тщательно разглаживавший свой шёлковый цилиндр, поднял голову. — Вы ведь придёте к нам на ленч, Грэм? — спросил он.

Питер согласился и пожал всем руки. Они с сэром Робертом вместе вышли из ризницы, и в церковном притворе баронет поймал его взгляд. «Думаю, это его немного встряхнёт, — сказал он себе. — В этом парне есть задатки, но ему ещё предстоит научиться стоять на собственных ногах».

На улице летнее солнце уже припекало вовсю, улицы запылились и стали оживлённее. Толпа у церковных дверей поредела, но Хильда и миссис Лессинг ещё ждали автомобиль.

— Давайте не поедем, — сказала Хильда, когда они подошли. — Мне сегодня гораздо больше хочется пройти домой пешком.

Её отец по-отечески улыбнулся. — Засиделась в церкви, а? — сказал он. — Ну, а ты что скажешь, дорогая? — спросил он жену.

— Думаю, я всё-таки поеду, — ответила миссис Лессинг. — Но если мистер Грэм придёт к нам на ленч, возможно, он прогуляется с Хильдой. Вы согласны, мистер Грэм?

— С удовольствием, — ответил Питер. — Я согласен с мисс Лессинг, прогулка будет приятной. Пойдём через парк. Это ведь меньше получаса, верно?

На том и порешили, и старшие уехали. Питер приподнял шляпу, прощаясь с сэром Робертом, который свернул вверх по улице, а затем они с Хильдой пересекли широкую проезжую часть и направились к парку.

Некоторое время они шли молча. Первым заговорил Питер.

— Перед завтраком, — сказал он, — ты спросила, что я собираюсь делать, а у меня не было возможности ответить. Так вот, только что в ризнице об этом говорили, и я принял решение. Сегодня вечером напишу епископу и попрошу назначить меня военным капелланом.

Они снова прошли молча около сотни ярдов. Затем заговорила Хильда. — Питер, — начала она и остановилась. Он быстро взглянул на неё и сразу понял, что одно это слово открыло ему её истинные чувства.

— О, Хильда, — сказал он, — неужели я так много для тебя значу? Не может быть! Ах, если бы мы сейчас были не здесь и я мог сказать тебе всё, что чувствую! Но, дорогая, я люблю тебя. Теперь я знаю, что люблю тебя уже много месяцев, и именно потому, что люблю, я должен ехать.

— Питер, — снова начала Хильда и снова умолкла. Затем она овладела собой и заговорила мужественно: — О, Питер, ты правильно догадался. Я не собиралась давать тебе понять… во всяком случае, пока. Но ужасно думать, что ты отправишься туда. Наверное, мне следовало бы радоваться и гордиться тобой, и отчасти я действительно горжусь, но мне кажется, что это дело не для тебя. Ты расточишь себя впустую. И я не знаю, что стану делать без тебя. Ты стал центром моей жизни. Я живу ожиданием наших встреч и нашей совместной работы. Если ты уедешь, ты… ты можешь… О, я не могу этого произнести! Мне не следовало говорить всего этого. Но… — Она внезапно оборвала себя.

Грэм огляделся. Они уже были в парке, и на тихой пешеходной дорожке поблизости почти никого не оказалось. Он протянул руку и мягко подвёл её к скамье. Затем, наклонившись вперёд и ковыряя землю тростью, заговорил: — Хильда, дорогая, ужасно, что мне приходится говорить с тобой именно сейчас и вот так, но я должен. Прежде всего — о нас. Я люблю тебя всем сердцем, хотя этими словами сказано так мало; я люблю тебя так сильно, что ты заполняешь всю мою жизнь. И я уже строил планы на нашу совместную жизнь. Сам почти не сознавал этого, но строил. Я думал, что буду продолжать служить, получу приход с доходом и женюсь на тебе — быть может, если бы ты согласилась (теперь, когда я знаю, что ты согласилась бы, мне трудно даже говорить об этом), — а потом… потом… о, не знаю… наверное, сделаю себе имя в Церкви. И я надеюсь, что когда-нибудь всё это у нас будет. Но теперь произошло вот что. Я действительно чувствую всё то, о чём говорил сегодня утром, и чувствую очень остро. Я отправлюсь туда — должен отправиться. Этим людям нужна помощь; нельзя сидеть спокойно, представляя, как они умирают, лежат раненые, борются с искушениями — и рядом нет священника. Это величайшая возможность. Мы будем сражаться за честь и правду, и Церковь должна быть там, чтобы свидетельствовать о них и нести своё слово. Дел будет бесконечно много. И это единственный в жизни шанс сблизиться с этими людьми и понять их. Ты ведь понимаешь, правда? И кроме того — прости меня, но я должен сказать именно так: если Он сжалился над множеством людей, разве и мы не должны сжалиться? Он явил Своё сострадание смертью; разве нам следует бояться даже смерти?

Девушка украдкой протянула руку, и он крепко сжал её. Затем она вспомнила о правилах приличия, отняла руку и села немного прямее. В этот день она с необычайной остротой ощущала себя и чувствовала, словно в ней живут две разные женщины. Одна была Хильда Лессинг, хорошо знакомая ей девушка, прекрасно воспитанная особа, которая правильно понимала жизнь, светские обязанности и всё, что связано с замужеством; другая же была кем-то совершенно незнакомым, неспособным рассуждать здраво и чувствовавшим себя обнажённой и пристыженной. Объяснить это было невозможно, но всё обстояло именно так. Эта вторая Хильда слушала возвышенные речи и даже сама говорила в том же духе, хотя подобная героика, конечно, уже несколько вышла из моды.

Она посмотрела через широкую зелёную лужайку и увидела вдали, между деревьями, шествие участников воскресного церковного парада. Ей показалось, что она должна находиться там, и она почти бессознательно взглянула на своё платье. Два терьера промчались по траве, а из-за угла появился служитель, собиравший плату за места на скамейках. Позади них просигналило такси, и воробьи в кустах вдруг подняли шумный гомон. А здесь Питер говорил о смерти и Кресте — да ещё за пределами церкви!

Она слегка вздрогнула и взглянула на наручные часы. — Питер, — сказала она, — нам пора идти. Дорогой, ради меня, обдумай всё ещё раз. Подожди немного, посмотри, что произойдёт. Я вполне понимаю твою точку зрения, но ты должен подумать и о других — хотя бы о своём настоятеле, моих родителях и обо мне. И ещё, Питер, скажем ли мы кому-нибудь о нашей… нашей любви? Как ты думаешь?

Питер Грэм пристально посмотрел на неё и, пока она говорила, тоже почувствовал контраст между своими мыслями и обыденной жизнью. Лондонский младший священник снова стал самим собой. Он поднялся. — Что ж, дорогая, как пожелаешь, но, пожалуй, пока не стоит — во всяком случае, до тех пор, пока я не узнаю, что мне предстоит делать. Я ещё подумаю об этом. Только ведь мы не изменимся, что бы ни случилось, правда? Ты любишь меня, не так ли? А я люблю тебя.

Хильда открыто встретила его взгляд и слегка покраснела. Она протянула руку, чтобы он помог ей подняться. — Милый мой мальчик, — произнесла она.

После ленча, перед уходом, Питер выкурил сигару в кабинете мистера Лессинга. Каждая подробность этого часа запечатлелась в его памяти так же отчётливо, как события всего

дня, поскольку ум его был необычайно напряжён и стремился ясно постичь внутренний смысл происходящего.

Всё началось с обычного ритуала выбора кресел и сигар. Мистер Лессинг выпил с кофе бокал портвейна, объяснив, что нервы у него совершенно расстроены. Удобно растянувшись в кресле и задумчиво выпуская дым в сторону пустой каминной решётки, он со своим полным лицом и тучным телом меньше всего походил на человека, у которого вообще могут быть нервы, тем более расстроенные; впрочем, по внешности судить нельзя. Во всяком случае, слова он подбирал осторожно, и Грэм, сидевший напротив довольно прямо, не мог не уловить их скрытого смысла.

— Ну, ну, ну! — начал мистер Лессинг. — Подумать только, до чего мы дожили! Европейская война в нашем столетии, да ещё и с нашим участием! Хотя я не поверю в это, пока не услышу официального сообщения. Пока есть жизнь, есть надежда, не правда ли, Грэм?

Питер кивнул, не зная, что сказать.

— Вопрос вот в чём, — продолжал мистер Лессинг. — Если нас всё-таки втянут в войну, как разумнее всего поступить? Некоторые дураки, конечно, потеряют голову, бросят всё и кинутся воевать. Но я, Грэм, дураков не терплю.

— Нет, сэр, — сказал Питер.

— Не терплю дураков, — повторил мистер Лессинг. — Я намерен вести дела как обычно и надеюсь, что другие будут делать то же самое. Есть достаточно людей, которые могут и должны воевать, не нарушая всего порядка жизни. Хильда тоже это понимает — она такая рассудительная девушка. Вспомните историю с бурами и всю эту глупую суету вокруг добровольцев Сити. На днях я встретил в клубе одного южноафриканца, и он сказал, что без них мы справились бы в десять раз лучше. В наши дни нужны обученные солдаты, а в конечном счёте войну выигрывают люди, стоящие за армиями. Такие, как мы с вами, Грэм: каждый спокойно занимается своим обычным делом. Именно такие люди и создали старую Англию. Вам следовало бы об этом проповедовать, Грэм. Если подумать, это вполне согласуется с тем, что вы говорили сегодня утром. И проповедь была хорошая, молодой человек. Каждый должен привести свой дом в порядок и продолжать своё дело. Вы ведь это имели в виду?

— Нечто в этом роде, — сказал Питер. — Но что касается духовенства, я всё же считаю, что епископы должны сами отобрать людей.

— Да, да, разумеется, — сказал мистер Лессинг, немного потянувшись. — Только я не думаю, что от духовенства там будет много пользы. Как сказал каноник, дома тоже будет предостаточно работы. Во всяком случае, торопить епископов бесполезно. Пусть сперва выяснят, что требуется, а потом выберут людей, верно? Такой человек, как епископ Лондонский, наверняка знает, что происходит. Хорошо, что он ваш епископ, Грэм: вы можете спокойно предоставить это ему, не так ли?

— Полагаю, да, сэр, — уныло ответил Питер.

— Ну что ж, рад это слышать, Грэм. И миссис Лессинг будет рада, и Хильда тоже. Мы ведь люди старой закалки, знаете ли… Ну, ну, пожалуй, не стану вас задерживать. Я провожу вас до двери, мой мальчик.

Он прошёл впереди молодого человека в переднюю и сам подал ему шляпу. На крыльце они пожали друг другу руки, обмениваясь целой россыпью коротких фраз. — Заходите как-нибудь вечером, непременно. Не помню, поздравил ли я вас как следует с проповедью; вы говорили необыкновенно хорошо, Грэм. У вас большой дар. В конце концов, эта война, пожалуй, даст вам некоторую возможность проявить себя, а? Мы должны снова услышать вас в церкви Святого Иоанна… Всего доброго.

— До свидания, мистер Лессинг, — сказал Грэм, — и благодарю вас за всё, что вы сказали.

На улице он шёл медленно, размышляя не только о том, что сказал мистер Лессинг, но и о том, о чём тот умолчал. В конце концов, старик рассуждал здраво. И была ещё Хильда. Он не мог потерять Хильду, а если её отец заупрямится, добиться её руки будет почти невозможно. Вероятно, всё не так плохо, как ему представлялось. Вполне возможно, к Рождеству всё закончится. Если так, незачем бросать всё. Может быть, письмо епископу стоило сформулировать несколько иначе. Всю дорогу домой он перебирал в уме выражения и в конце концов подобрал вполне подходящие. Но вечер выдался хлопотным, и в ту ночь он так и не написал.

Понедельник всегда был заполнен делами — собранием сотрудников прихода и многим другим; то, что это был банковский выходной, почти ничего для них не меняло. Зато после полудня он смог внимательно прочитать воскресные газеты и пришёл в ужас от стремительности, с какой приближалась всеобщая катастрофа. Поэтому после вечерней службы и ужина он достал бумагу и перо и принялся писать, хотя это заняло гораздо больше времени, чем он ожидал. В конце концов он попросил епископа вспомнить о нём, если действительно потребуется больше капелланов, и выразил готовность служить Церкви и стране, когда в нём возникнет нужда. Закончив, он долго сидел перед запечатанным конвертом и выкурил пару трубок. Он думал, не убивают ли люди друг друга уже сейчас, совсем недалеко, за проливом. Перед ним возникла картина сражения, сложившаяся из воображения и воспоминаний о полевых учениях в Олдершоте. Он слегка вздрогнул, представив, как ползёт через вереск к раненому солдату на передовой, пока неприятельские орудия на противоположном гребне ведут огонь, как он видел на учениях. Он попытался представить, что значит самому оказаться раненым.

Затем он встал и потянулся. С любопытством оглядел книжный шкаф, одну-другую групповую фотографию оксфордских товарищей и хоккейную кепку, висевшую на краю одной из них. Он повернулся к каминной полке и посмотрел на фотографии. Вероятно, Боб Скарлетт сразу отправится на фронт: он служил в каком-то ирландском полку. Старина Хаусон находился в Индии; едва ли он многое увидит или услышит. А Джимми — что станет делать Джимми? Питер взял фотографию и вгляделся в чисто выбритое, задумчивое, красивое лицо лучшего человека на свете, который почти сразу после блестящего окончания университета был избран членом колледжа и теперь, как вспомнил Питер, отдыхал на юге Франции. Джимми, идеалист, — что сделает Джимми? Питер взял шляпу и направился к двери. Он отправит письмо этой ночью, под звёздами.

Выйдя из дома, он пошёл дальше, в сторону Вестминстера. На мосту он некоторое время стоял, облокотившись на парапет, и смотрел на угрюмую, неутомимую реку, а затем повернул к зданию парламента. Ночь была ясной и тихой, улица почти опустела. Биг-Бен пробил одиннадцать, и, проходя перед воротами парламента к церкви Святой Маргариты, Питер задумался, что происходит внутри. Он имел самое смутное представление о том, где в такую ночь могут находиться премьер-министр и сэр Эдуард Грей. Возможно, у короля, а может быть, на Даунинг-стрит. Тут кто-то окликнул его по имени, и, обернувшись, он увидел направлявшегося к нему сэра Роберта Дойла.

Выражение лица сэра Роберта заставило его остановиться. — Есть какие-нибудь новости, сэр Роберт? — спросил он.

Сэр Роберт тоже поднял глаза к огромному сияющему циферблату над ними. — Наш ультиматум уже отправлен в Германию или будет отправлен с минуты на минуту, и через двадцать четыре часа мы будем в состоянии войны, — отрывисто произнёс он. — Я как раз иду домой; мне обещали назначение.

Глава II

В семь часов десять минут туманным февральским утром вокзал Виктория казался загадочным местом, где совершалась какая-то грандиозная работа. В сумраке ещё горели электрические лампы; бесчисленные человеческие фигурки сновали туда-сюда, словно муравьи из разворошённого муравейника, но не меньше людей стояло вокруг, на вид совершенно равнодушных и невозмутимых. Рядовые, отыскав местечко у стены или на скамье, складывали рядом винтовки и ранцы, закуривали трубки и спокойно наблюдали за суетой: они не сомневались, что после отправления офицерского поезда с отпускниками кто-нибудь — или само Провидение — позаботится и о них. Остальные же были в непрерывном движении. Носильщики и носильщицы спешили с багажом, чемоданы проталкивали сквозь толпу под привычную брань; младшие офицеры, большей частью шумные и весёлые, приветствовали друг друга и железнодорожных служащих, а иные, более сдержанные, целеустремлённо пробирались со своими дамами к дальнему концу платформы, надеясь найти там уголок потише.

Ошибиться платформой или временем отправления было невозможно: об этом извещало огромное объявление. А дальше человека уже брала в свои руки армия. Питер прежде никогда не проходил через такую процедуру, но быстро обнаружил, что его страх не разобраться, куда идти и что делать, из-за которого он, помимо прочего, предпочёл проститься с близкими дома и приехать на вокзал один, был напрасным. Военные полицейские в красных фуражках почтительно, но деловито направляли его от одного служащего к другому; те проверяли то одну, то другую бумагу и наконец отправили его к офицеру за небольшим столиком, заваленным документами. Тот записывал фамилию, звание, часть и пункт назначения каждого, кому предстояло этим утром отправиться во французскую действующую армию.

Наконец Питер получил возможность пройти по платформе и разыскать остальной багаж, который носильщик должен был доставить из гостиницы. Свободен он был, конечно, лишь в том случае, если не считать вещей, висевших на нём самом или, вопреки королевскому уставу, зажатых в руках. Но сколько он ни искал, багажа не находил. В половине восьмого ему пришло в голову, что пора хотя бы занять место. Он вошёл в коридор вагона и пустился в странствие. Дело казалось безнадёжным. На сиденьях лежали пальто, трости и газеты; офицеры всевозможных родов войск устраивались сами и размещали своё имущество. Вся обстановка до странности напоминала первый обед новичка в университетской столовой. Сходство было поразительным. «Первокурсники», то есть младшие офицеры, возвращавшиеся из первого отпуска, были наиболее нагруженными, самоуверенными и напористыми; «второкурсники» обычно занимали места у окна и смотрели наружу; а кое-где старший офицер или младший с лицом ветерана выбирал место, раскладывал немногочисленные вещи и разворачивал газету — не по-оксфордски, словно всё вокруг принадлежало ему, а по-кембриджски, словно ему было совершенно наплевать, кому оно принадлежит.

Питер всё испортил. Он пытался найти место, не выпуская из рук своих пожитков, не понимая, что их можно оставить где угодно в поезде и найти уже после отправления: по особому благоволению высших сил всё, что проходило через пропускной пункт на Францию, непременно туда и попадало. Он бросился к одному сиденью и уселся, не заметив тонкой трости в углу, а когда безукоризненно одетый майор с чрезвычайно любезными манерами сообщил, что место занято им, Питер удалился с бесконечными извинениями. Как только он ушёл, майор предусмотрительно переложил трость в другое место. Наконец в конце вагона Питер заметил полуоткрытую дверцу, а за ней, как ему показалось, свободное сиденье. Он распахнул её и обнаружил маленькое отдельное купе со столиком посередине; трое мужчин за столиком устраивались с величайшим удобством.

— Простите, пожалуйста, — произнёс Питер, — здесь найдётся одно свободное место?

Все трое окинули его каменными взглядами, и он инстинктивно понял, что снова оказался первокурсником, заглянувшим к студентам второго курса. Один из мужчин, капитан, приподнял голову, чтобы рассмотреть его получше. Светловолосый, с живыми голубыми глазами, он носил фуражку, которая отнюдь не выглядела залихватской, но почему-то внушала мысль, что её владелец знает жизнь как свои пять пальцев. На фуражке красовалась эмблема с антилопой-прыгуном. Худощавое лицо с насмешливым изгибом губ внимательно изучило Питера: необычайно широкий воротничок, чёрную окантовку погон, совершенно новые знаки различия, чёрные пуговицы и звёздочки. Затем капитан без малейших угрызений совести солгал:

— Извините, падре, у нас всё занято.

Питер попятился и забыл закрыть дверь: в эту минуту пронзительно прозвучал свисток. Он очутился в самом конце пульмановского вагона, перед стеклянной дверью, за которой вдруг поднялась суета. Младшие офицеры торопились из укромных уголков, где прощались с дамами, а позади мелькали юбки и шляпки; инспектор решительно шагал по платформе. И тут, благодаря всё тем же высшим силам, Питер заметил спешившего к нему гостиничного носильщика. За шестьдесят секунд дверь распахнулась, к его ногам полетели дорожная сумка, чемодан и вещевой мешок, чаевые перешли из рук в руки, дверь снова захлопнулась, поезд со стоном тронулся — и Питер отправился во Францию.

Он принялся разбирать багаж со смешанными чувствами. Ему хотелось найти сиденье и позавтракать; хотелось взглянуть на остающийся позади вокзал, который, как смутно подсказывало ему чувство, он, возможно, больше никогда не увидит. Но сильнее всего его мучило сознание, что он выглядит дураком, а ему ужасно не хотелось им казаться. В таком смятении он втащил дорожную сумку в угол, затем решительно повернулся к окну — и заметил лицо капитана, выглянувшего из дверцы маленького купе. Лицо тотчас исчезло, но затем показалось снова, и Питер во второй раз услышал непривычное обращение:

— Послушайте, падре, заходите к нам. Оказывается, место есть.

Питер воспрянул духом. Он, пошатываясь под тяжестью вещей, добрался до дверцы и увидел, что остальные освобождают для него место. Младший лейтенант армейской службы снабжения подхватил его небольшой портфель и закинул на багажную полку. Южноафриканец убрал с пустого сиденья тёплую военную шинель и протянул руку за чемоданом. Третий, в майорских погонах и с эмблемой разрывающейся бомбы, чиркнул спичкой, остановился, прикуривая сигарету, и отрывисто бросил:

— Чёртовски набитый поезд! Надо было нам на него опоздать, Донован.

— Неплохая уловка, если только слишком много прохвостов не начнут ею пользоваться, — заметил младший лейтенант, потянувшись за шинелью Питера. — В прошлый отпуск так и случилось, и я получил страшный нагоняй от штабного начальника. Это ведь штабной поезд; кроме них туда пускают только премьер-министров, журналистов и профсоюзных деятелей. Ну как, падре, устроились?

— Спасибо, — сказал Питер, опускаясь на сиденье. — Очень любезно с вашей стороны, что приняли меня. Я уж думал, придётся стоять до самого Фолкстона.

Г. П. Дженкс, младший лейтенант армейской службы снабжения, серьёзно посмотрел на него. — В такое утро это невозможно, падре, — сказал он. — Я выехал из Илинга примерно в полночь, в метро оказался зажат между бригадным генералом и его проклятой супругой с дочерями, а потом бог знает сколько ждал офицера транспортной службы. Если бы после этого мне не досталось сиденья и передышки, я наверняка оказался бы в списке потерь.

— Сам виноват, что вчера вечером поехал домой, — рассудительно заметил майор. (Приглядевшись, Питер обнаружил, что тот лишь ненамного старше Дженкса.) — Боже, Донован, надо было тебе побывать с нами в «Адельфи»! Вот это было веселье, скажу я тебе. А потом…

— Помолчите, майор! — перебил Дженкс. — Не забывайте про падре.

— Да он человек широких взглядов, я уверен. Правда, падре? Кстати, вы знали старину Дреннана, который служил возле Поперинге с канадцами? Вот был славный малый! И священник отличный, и настоящий человек. А храбрость! Господи боже! По-моему, у него вообще нервов не было. Однажды я видел, как по станции били тяжёлыми снарядами, а он вытаскивал раненых из санитарного поезда. Снаряд разорвался прямо под откосом; оба его санитара нырнули под вагон, а старина Дреннан даже бровью не повёл. «Лучше закурите, — сказал он шотландцу, которому помогал. — Не позволять же Фрицу лишать нас удовольствия покурить».

Питер ответил, что не встречал Дреннана, но больше ничего не смог придумать, кроме признания, что отправляется на фронт впервые.

— Неужели? — сухо произнёс Донован.

— Вот бы и мне так! — воскликнул Дженкс.

— Молодец, — отозвался майор. — Жаль, что ваших собратьев к нам приезжает так мало. Когда я был под Лосом в сентябре прошлого года, мы три месяца не видели ни одного капеллана. Потом прислали какого-то невысокого человечка — забыл фамилию, — который приезжал на велосипеде, когда мы стояли на отдыхе. Но толку от него было немного.

— Я семь недель пролежал в госпитале и ни одного не видел, — сказал Дженкс.

— Боже правый! — воскликнул Грэм. — А я все эти годы пытался попасть на фронт, и мне неизменно отвечали, что все места заняты и сотни людей стоят в очереди. В декабре прошлого года сам главный капеллан показывал мне список из более чем двухсот фамилий.

— Куда же они все деваются, как думаешь, Беван? — спросил Дженкс.

— Не знаю, — ответил майор, — разве что держат их на базе.

— В Руане их, во всяком случае, полно, — сказал Донован. — Один забавный малый, которого я встретил в пивной «Опера», говорил, что ему совершенно нечего делать.

— В следующую войну я сам стану падре, — сказал Дженкс, вытягивая ноги. — В воскресенье один парад — и на всю неделю свободен. Ни дежурств, ни ночной работы, да и поесть всегда успеешь. Капелланам и отпуск дают без проблем, а ездят они непременно через Париж.

Донован рассмеялся и искоса взглянул на Питера. — Хватит, Дженкс, — сказал он. — А куда направляетесь вы, падре?

— Мне приказано явиться в Руан, — ответил Питер. — Вот я и подумал, не там ли вы служите.

— Теперь уж не такое счастье, — отозвался тот. — Но место замечательное. Там есть Дженко. Попросите его свозить вас в Дюклер. В одном трактире там подают жареную утку — во рту тает. И как называется та маленькая гостиница возле памятника Жанне д'Арк, Дженкс, где ещё можно выпить приличного вина?

Узнать это Питеру пока не довелось: в ту же минуту дверца отворилась, и заглянул официант. — Завтракать будете, господа? — спросил он.

— О нет, — сказал Дженкс. — Официант, я всегда беру с собой сухой паёк; мне только чашку кофе.

Тот ухмыльнулся. — Слушаюсь, сэр, — сказал он. — Овсянку, господа?

Он исчез, оставив дверь открытой. Донован развернул газету, а Грэм стал смотреть в окно в ожидании завтрака. Из дальних углов купе долетали обрывки разговора; он понял, что Дженкс и майор вспоминают события вчерашней ночи. До него донеслось несколько слов, и он ещё пристальнее уставился за окно.

За окном стремительно проносилась английская сельская местность. Небольшие виллы с садиками, спускавшимися к железнодорожному полотну, на милю-другую уступали место полям, а затем появлялись вновь. Туман здесь поредел, и Англия казалась необычайно уютной и приветливой. Всё вокруг было знакомым; он же мчался со скоростью пятидесяти миль в час в неизвестность. Он вновь обдумал обрывки только что услышанного разговора и почувствовал в них привкус неведомого. Удивительно, как всё меняет военная форма! Эти люди обраща-

лись с ним как со своим — куда непринуждённее, чем кто-либо когда-нибудь обращался с ним в железнодорожном вагоне. Казалось, даже его знаки различия служили ему пропуском в их круг. И всё-таки принимали они не его самого, Питера Грэма, или, по крайней мере, не людей его склада. Интересно, отличаются ли капелланы во Франции от священников в Англии? Он задумался о незнакомом Дреннане. Любили ли его солдаты за то, что он был хорошим священником, или за то, что сумели разглядеть в священнослужителе человека?

Официант принёс завтрак — овсянку, рыбу, тосты и всё остальное, — и они принялись есть, не прекращая оживлённого обмена замечаниями. Донован где-то пробовал японский мармелад и считал его лучше здешнего. Майор наотрез отказался от отвратительного маргарина, а Дженкс находил, что с мармеладом он ничуть не хуже масла, и намазал его на тост почти таким же толстым слоем, как сам тост. В дружеской атмосфере Питер совершенно освоился. Когда он откинулся на спинку сиденья с сигаретой, расстегнув китель и забросив фуражку на полку, ему казалось, что он служит в армии уже много лет. Как это странно, подумал он. Последние два или три года с бойскаутами, госпиталями и дополнительными молитвенными собраниями, на которые приходили всё те же люди, посещавшие все остальные мероприятия, словно исчезли. Между тем первым военным вечером, который он так ясно помнил, и нынешним утром почти не ощущалось промежутка. Такое случается нередко; вероятно, дело было в том, что всё прочее почти не оставило в нём следа, тогда как он жил ожиданием этой минуты, а то воскресенье потрясло его необычайно глубоко. Но он понимал и другое: немалую роль сыграли нынешние попутчики. Они приняли его так, как никогда прежде не принимали. Почти ни о чём не расспрашивали. Насколько он мог судить, его присутствие ничуть не меняло их поведения. Он чувствовал себя наконец частью великого братства, в котором главными предметами заботы были японский мармелад и маргарин.

— Почти приехали, ребята, — сказал Беван, вглядываясь в окно.

— Проклятье! — воскликнул Дженкс. — Терпеть не могу собирать барахло в поезде и ненавижу толчею на пароходе.

— Не понимаю почему, — сказал Донован. — Чёрт меня побери, если я хоть о чём-то беспокоюсь. Транспортный офицер и военная полиция всё делают сами, и даже о билете в пульмановский вагон по дороге во Францию думать не нужно. Только бы море было спокойным. — Он опустил оконное стекло и высунулся наружу. — Вроде всё хорошо, — добавил он.

Питер встал вместе с остальными и принялся навешивать на себя снаряжение. Совершенно новая портупея Сэма Брауна раздражала его своей вызывающей новизной, но он забыл о ней, когда поезд описал дугу и подошёл к пристани.

— Найди носильщика с тележкой, Донован, — сказал майор, сидевший дальше всех от двери.

Они небрежно вышли из вагона, и Питер закурил, пока остальные давали носильщику указания насчёт багажа. Затем все вместе двинулись в толпе, где перемешались представители всевозможных чинов, полков и частей Британской империи, а также женщины из вспомогательного армейского корпуса и медсёстры.

У причала стоял пароход «Гордость Фолкстона»; когда они подошли, казалось, что он уже переполнен. Четверых спутников зажало у сходней, и их буквально протолкнули на борт. Проходя мимо служащего наверху трапа, они сдавали и получали документы. Донован шёл впереди и, ступив на палубу, бросил свой вещевой мешок назад Питеру с криком:

— Подхватите, падре, и пробирайтесь через палубу. Устройтесь с той стороны, впереди трубы. Я раздобуду кресла. Дженко, негодяй, принеси спасательные пояса и перестань глазеть на девушку!

— Чертовски хорошенькая девчонка, — задумчиво произнёс Дженкс, не отрывая взгляда от противоположной стороны палубы.

— Где? — осведомился майор, шаря в поисках монокля.

— Проходите, пожалуйста, господа, — окликнул их корабельный служащий.

— Чёрт возьми, осторожнее с моей ногой!

— Привет, старина, вот мы и снова здесь!

— Послушай, Томми, ты всё-таки попал вчера вечером в «Альгамбру»? Что? А я тебя так и не увидел.

Под эти возгласы Питер протискивался через палубу. — Извините, падре, — сказала добровольная сестра милосердия, загораживавшая путь; она отклонилась, пропуская его, и улыбнулась. — Ловите! — крикнул Донован, перебрасывая ему пару палубных кресел. — Нет, сэр, это не моё кресло, — обратился он к полковнику, который уже ухватился за одно из кресел, поставленных у борта.

Полковник забрал кресло и исчез, а через мгновение сквозь давку появился раскрасневшийся Дженкс. — Болван ты этакий, — прошептал он, — это её кресло. Я видел, как она его сюда поставила, и подобрался поближе, но какой-то дурак мне помешал. Впрочем, — добавил он с надеждой, — может, она ещё вернётся.

Общими усилиями они поставили четыре кресла в ряд и уселись — все, кроме Дженкса. Тот стоял с самым добродушным и безмятежным видом, словно беспристрастно обозревал толпу. Насколько беспристрастно, вскоре выяснилось. — Чёрт! — взорвался он. — Она встретила каких-то других девиц, странных и лохматых созданий, и уселась вон там. Нет, ей-богу! Она смотрит сюда.

Он было рванулся вперёд, но майор пнул его по голени. — Проклятье! — взвился Дженкс. — Зачем ты это сделал, идиот?

— Не будь ребёнком, Дженко, сядь. Нельзя же начинать флирт через всю чёртову палубу. Эй, падре, не можете вы призвать его к порядку?

При этих словах Питер слегка приподнялся в кресле и посмотрел туда, куда глядел Дженкс. Сквозь толпу он на мгновение отчётливо увидел девушку среднего роста в форме медсестры; она стояла к нему боком. В следующую секунду девушка слегка повернулась, явно улыбаясь какому-то замечанию соседки, и он заметил ясные карие глаза и короткую чёлку тёмных волос над почти детским лицом. Их взгляды встретились. А потом матрос, неуклюже протиснувшийся мимо, заслонил её от Питера.

Глава III

Дженкс служил в Армейском корпусе снабжения, обеспечивавшем продовольствием более ста тысяч человек в районе Руана, поэтому они с Питером отправились вместе. По совету Дженкса они прибыли на вокзал вскоре после половины девятого, но даже в этот час поезд казался переполненным.

На запасном пути не горело ни одного фонаря, в вагонах тоже царила полная темнота. Узнать, свободно купе или занято, можно было лишь при свете спички — если только шумные голоса и мерцание свечи не свидетельствовали совершенно недвусмысленно, что внутри уже расположились пассажиры.

Наконец где-то поближе к паровозу они обнаружили вагон второго класса, с виду пустой, на двери которого красовалась большая табличка «Зарезервировано».

Дженкс зажёг спичку и критически осмотрел надпись.

— Что ж, падре, раз здесь не сказано, для кого именно зарезервировано купе, полагаю, оно с таким же успехом может быть зарезервировано для нас. Итак, вперёд!

Он взобрался на подножку и потянул дверь, которая долго не поддавалась. Затем она внезапно распахнулась, и младший лейтенант Дженкс из Армейского корпуса снабжения с изяществом и весьма выразительными ругательствами приземлился на землю.

Питер зажёг другую спичку и заглянул внутрь. Тут выяснилось, что купе вовсе не пустовало: на одной из скамей во весь рост растянулся долговязый темноволосый юноша, который теперь с невозмутимым видом разглядывал незваных гостей.

— Этот вагон зарезервирован, — произнёс он.

— Совершенно верно, — весело отозвался Дженкс. — Для нас, сэр. Позвольте спросить, что в таком случае делаете здесь вы?

Разбуженный пассажир вздохнул.

— Раньше эта штука срабатывала. Если вы, ребята, заберётесь внутрь и поскорее закроете дверь, может быть, сработает и теперь. Втроём ещё куда ни шло, а мне доводилось видеть по шестеро в этих проклятых вагонах. Ради всего святого, заходите скорее!

Питер с любопытством огляделся. Два из четырёх окон были разбиты, от былого великолепия обивки не осталось и следа. Освещения не было, а багажная полка выглядела так, словно на ней путешествовал кто-то гораздо тяжелее, чем предусматривала её конструкция.

Дженкс, негромко ругаясь, пытался зажечь огарок свечи. Питер рассмеялся.

— Карты есть? — спросил первоначальный обитатель купе.

— Есть, — ответил Дженкс. — А съестное?

— Печенье «Бат-Оливер», шоколад и полфляги виски, — сообщил незнакомец. — И всё это нам понадобится.

— Превосходно, — сказал Дженкс. — А у нашего падре полно сандвичей: он предусмотрительно заказал двойную порцию.

— В аукционный бридж играете, падре? — спросил незнакомец, оказавшийся, как выяснилось при свете свечи, канадцем.

Питер ответил утвердительно. Он знал, что играет вполне прилично.

Это окончательно оживило канадца. Он спустил ноги со скамьи и на ощупь направился к двери.

— Держите оборону в этом блиндаже, ребята, — распорядился он, — а я добуду четвёртого. Только что я отпугнул этой табличкой кое-кого из наших, но я их знаю и могу привести вполне подходящего малого.

Он отсутствовал всего несколько минут. Затем снаружи послышались голоса.

— А я тебя как раз искал, старина, — говорил их новый приятель. — Здесь всего двое славных ребят, и целое купе в нашем распоряжении. Забирайся, повеселимся. Только не на это место, дорогой. Погоди минутку, сначала надо всё устроить.

На рассвете следующего утра поезд, фыркая паровозом, вырвался из мрачного туннеля и въехал в Руан. Питер с жадным любопытством смотрел на широкую извилистую реку и великолепный собор, возвышавшийся над туманом, окутывавшим крыши домов. В воздухе чувствовалась свежесть весны. Над медленно двигавшимися по воде баржами поднимались прозрачные голубоватые струйки дыма.

На острове стояли голые деревья. Каждая веточка, каждый тонкий побег отчётливо вырисовывались на фоне свинцовой воды, словно нанесённые карандашом на бумагу. Вверх по течению деловито пыхтел буксир; на его закопчённом чёрном корпусе выделялись красные и жёлтые полосы.

Дженкс спал в углу, но проснулся, когда поезд с грохотом покатил по мосту.

— Эх-хо! — вздохнул он, потягиваясь. — Опять за старую работу.

Питер снова принялся собирать свои вещи. Казалось, с тех пор, как он сел в поезд на вокзале Виктория, прошла целая вечность. Он чувствовал себя особенно грязным и небритым.

— Что теперь будем делать? — спросил он.

Дженкс посмотрел на него.

— Собираетесь взять такси?

— Куда ехать?

— Ну, если хотите знать моё мнение, падре, ничто не мешает нам сначала как следует умыться и позавтракать в клубе. Мне не так уж важно, когда являться с докладом, а клуб находится совсем рядом с вашим учреждением. Я знаю, где располагается канцелярия главного капеллана: в том же доме, что и касса базы. Клуб — чуть ниже по улице. Только от вокзала туда чёртова уйма пути. Если удастся раздобыть такси, предлагаю ехать на нём.

— Согласен, — сказал Питер. — Веди.

Они выбрались на платформу и предъявили необходимые документы у выхода с надписью «Только для британских офицеров». Военный полицейский в красной фуражке записал их данные, и через несколько минут они оказались среди толпы крестьян в вокзальном зале.

Дженкс протолкался вперёд и успел нанять экипаж, прежде чем Питер добрался до него.

— Такси здесь не достать, падре, — объявил он, — но и это сойдёт.

Они покатили по аллее зимних деревьев, миновали деревянное здание, которое Дженкс назвал английской военной церковью, и выехали на мощённую камнем набережную.

Для Питера эта поездка была настоящим наслаждением.

Навстречу им прошёл французский полк в синих мундирах.

— Отправляются на передовую, — пояснил Дженкс.

В противоположном направлении маршировала колонна чернокожих солдат.

— Господи! — воскликнул Дженкс. — Значит, южноафриканские туземные рабочие части уже прибыли.

Река была полна всевозможных судов, но его спутник объяснил, что настоящие портовые причалы тянутся на многие мили ниже по течению.

У широкого моста стоял замаскированный пароход.

— Госпитальное судно, — сказал Дженкс.

В просвете узкой улицы виднелись контрфорсы собора. Питер вытягивал шею, стараясь разглядеть их получше, а его спутника гораздо больше интересовало большое кафе на углу чуть дальше по улице. Впрочем, в такой ранний час оно, разумеется, пустовало.

На углу яркими красками пестрел цветочный ларёк. Две французские крестьянки раскладывали цветы.

Затем фиакр свернул на улицу Жанны д'Арк и резко остановился напротив мрачного подъезда.

— Приехали, — объявил Дженкс. — Теперь придётся взбираться по этой проклятой лестнице.

Офицерский клуб в Руане не отличался особенной привлекательностью, зато там им удалось как следует умыться в небольшой комнате, из окна которой открывался вид на живописное нагромождение крыш, а затем превосходно позавтракать кофе с беконом и яичницей.

Дженкс закурил и предложил сигарету Питеру.

— Лучше оставь здесь свои вещи, — сказал он. — Я провожу тебя. Всё равно мне пока нечего делать.

Улица постепенно наполнялась утренним движением. Они направились вверх по пологому склону, и Дженкс всю дорогу без умолку давал пояснения.

— Вот контора Кокса. Полезное заведение в первой половине месяца, а вот во второй, по крайней мере для меня, от неё толку немного… Тебе, падре, стоит зайти вон в ту лавку за открытками. Там их продаёт совершенно очаровательная девушка… А это улица Больших часов. Видишь часы, висящие над дорогой? Улица ведёт к собору. Иногда здесь довольно весело, только сейчас ничего интересного… Что это? Не знаю. А, вспомнил! Дворец правосудия или что-то в этом роде. Говорят, довольно старинный… В тех садах находится картинная галерея. Сам я там не бывал, но, говорят, есть хорошие картины… А вот и твоё учреждение. Не задерживайся, я подожду поблизости.

Питер пересёк улицу и, следуя полученным указаниям, поднялся по деревянной лестнице. За углом, наверху, обнаружилась дверь с надписью: «Главный капеллан, Англиканская церковь».

Он остановился в нерешительности. Следовало постучать или, поскольку он был в военной форме, войти без стука? Никакой причины, по которой офицеру в форме нельзя было бы постучать, он придумать не смог и потому постучал.

— Войдите! — раздался голос.

Питер открыл дверь.

За письменным столом сидел немолодой, гладко выбритый человек, внимательно посмотревший на вошедшего. Слева от него, спиной к двери, другой человек в военной форме проворно стучал на пишущей машинке. В комнате находились несколько стульев, цветная репродукция картины «Свет мира» над камином и потрёпанная карта.

Питер снова замешкался. Какое звание у сидящего за столом офицера? Нужно ли отдавать ему честь?

Пока он размышлял, тот заговорил:

— Доброе утро. Чем могу быть полезен?

Питер, ужасно нервничая, сделал неуверенное движение, напоминавшее воинское приветствие, и шагнул вперёд.

— Меня зовут Грэм, сэр. Я только что прибыл из Англии. В лондонском управлении главного капеллана мне приказали явиться к полковнику Чичестеру, главному капеллану в Руане.

Собеседник немедленно избавил его от смущения. Он поднялся и протянул руку через заваленный бумагами стол.

— Очень рад познакомиться, мистер Грэм. Мы вас ожидали. Я и есть здешний главный капеллан. Работы для вас у нас предостаточно. Присаживайтесь, пожалуйста. Кажется, однажды я слышал вашу проповедь в приходе моего брата в Саффолке. Вы ведь служили в церкви Святого Фомы, неподалёку от реки?

От такого приёма Питер сразу почувствовал себя увереннее. После последних двадцати четырёх часов было удивительно приятно вновь услышать обращение «мистер». Несмотря на

мундиры и военную обстановку, ему показалось, будто он находится у английского приходского священника. К нему постепенно возвращалась прежняя уверенность, и он свободно отвечал на вопросы.

Наконец полковник взглянул на часы.

— Что ж, мне пора в штаб, а вам следует отправляться к месту службы. Мартин, куда мы назначили капитана Грэма?

Ординарец за письменным столом наклонился и посмотрел на приколотый лист бумаги.

— В лагерь отдыха № 5, сэр.

— Ах да, теперь припоминаю. Внизу улицы можно сесть на трамвай, который довезёт вас почти до самого места. Там довольно красиво, на окраине города. В лагере около тысячи человек. Командира зовут… как его, Мартин?

— Капитан Гарольд, сэр.

— Именно, Гарольд. Хороший человек. Солдаты там постоянно прибывают и убывают, но работы всё равно хватает.

— А в лагере есть часовня? — спросил Питер.

— Нет, кажется, нет. Придётся пользоваться столовой. Там имеется тихая комната, которую можно занимать для богослужений. По одну сторону расположен лагерь военнопленных, по другую — подразделение Южноафриканского туземного трудового корпуса. Но у них собственные капелланы.

Полковник продолжал:

— Поначалу мы не станем вас особенно загружать. Однако попробуйте организовать несколько служб для людей, работающих в лесу. Там есть трудовая рота, которая занимается заготовкой древесины. Возможно, удастся добираться туда на автомобиле. Если нет, попросите командира лагеря подать заявку на велосипед, если своего у них не найдётся. Как-нибудь загляните ко мне, расскажите, как идут дела. Позднее я подыщу вам ещё работу.

Питер поднялся. Полковник протянул ему руку. Питер пожал её, а затем, вспомнив занятия в офицерском учебном корпусе в Оксфорде, решительно и без малейшего смущения отдал честь.

Полковник слегка шевельнулся.

— До свидания.

И Питер оказался за дверью.

— Лагерь отдыха номер пять! — воскликнул Дженкс несколько минут спустя. — Тебе повезло, падре. Отличный лагерь, и командир там замечательный человек. Только расположен чертовски далеко. Теперь уж без такси не обойтись.

— Главный капеллан сказал, что можно доехать на трамвае, — возразил Питер.

— Значит, он несёт полную чепуху, — отозвался Дженкс. — Наверняка за всю свою жизнь там ни разу не бывал. От конечной остановки трамвая до лагеря не меньше двух миль. Моя часть находится как раз за рекой, и паром доставит меня почти к самому месту. Знаешь что? Я провожу тебя, а потом переправлюсь на другой берег.

— А как же твои вещи? — спросил Питер.

— Господи, да за ними можно прислать грузовик! В этом хоть какая-то польза от службы в Армейском корпусе снабжения.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказал Питер.

— Пустяки, старина. Ты славный малый, падре, а у меня сейчас всё равно свободное время. К тому же хочется повидать старину Гарольда. Он один из лучших. Пошли.

На этот раз им удалось найти такси неподалёку от вокзала Гар-дю-Вер. Машина быстро покатила сначала по булыжной мостовой, затем по широкой дороге с щебёночным покрытием, тянувшейся вдоль реки вниз по течению.

— Главная дорога на Гавр, — пояснил Дженкс. — Я пару раз ездил здесь с нашими грузами. Очень красивый маршрут. Если повезёт, можно пообедать в Кодебеке — одном из самых живописных мест на Сене.

Через несколько миль дорога вышла на открытую местность, хотя между нею и рекой по-прежнему виднелись военные лагеря, а кое-где — причалы и различные постройки. Впереди показался довольно большой посёлок на берегу. Не доезжая до него, они остановились.

На щите у дороги значилось: «Лагерь отдыха № 5».

Питер понял, что прибыл к месту назначения.

Солнце к тому времени поднялось высоко, а вместе с ним поднялось и настроение Питера. Окрестности улыбались в ясном свете. Позади лагеря поля поднимались к густому лесу, через который вилась дорога, а прямо напротив протекала река.

Когда автомобиль въехал в ворота, часовой вытянулся по стойке смирно, взял винтовку на караул и отдал честь.

Питер с удивлением посмотрел на него.

— Тебе полагается отвечать на приветствие, падре, — заметил Дженкс. — Ты ведь старше меня по званию.

Они проехали по ровной улице, образованной рядами бараков. Перед большинством из них были устроены небольшие садики, где уже пробивалась зелень ранних весенних цветов.

Автомобиль остановился перед канцелярией.

Дженкс сказал, что заглянет внутрь и посмотрит, на месте ли командир. Через минуту он вышел в сопровождении краснолицего, жизнерадостного человека, которого представил как капитана Гарольда.

Вместе с ними появился высокий молодой шотландский офицер в килте. Питер узнал, что это лейтенант Маккей, служивший в той же офицерской столовой.

— Рад познакомиться, падре, — сказал Гарольд. — Предыдущий наш капеллан был не особенно хорош, а Дженкс говорит, что ты отличный парень. Я здесь уже закончил, так что пойдём в офицерскую столовую, выпьем за знакомство. Идём, Скотти! Одиннадцать часов — вполне подходящее время, не так ли?

— Не стану возражать, — ответил шотландец.

Они обошли канцелярию и вошли в открытую дверь.

Питер с любопытством огляделся. Комната оказалась весьма уютной: в камине горел огонь, стены украшали яркие картины.

— Неплохо устроились, правда, падре? — спросил Гарольд. — Кстати, с тебя картина. У нас каждый офицер приносит что-нибудь для украшения столовой. Вон там есть свободное место. Для рисунка Киршнера оно подошло бы превосходно, если ты не против. Дженко покажет, где можно раздобыть что-нибудь первоклассное. Что будешь пить, старина?

— Как обычно, командир, — ответил Дженкс, опускаясь в кресло.

Гарольд подошёл к небольшому окошку, закрытому ставней, и постучал. В проёме показалось мужское лицо.

— Четыре виски, Хантер. Ты не против, падре?

— Нет, — ответил Питер и подошёл к камину, пока остальные оживлённо разговаривали.

— Впервые во Франции? — спросил Маккей.

— Ну, как там дома? — обратился Гарольд к Дженксу. — Хорошие спектакли идут? В следующем месяце мне, кажется, полагается отпуск, но, пожалуй, немного подожду. Хочется выбраться весной и заодно посмотреть страну. Что в Англии думают о войне, Дженко?

— К лету всё закончится. Весной готовится большое наступление, и Фриц долго не выдержит. Немцы голодают, приличных резервов у них больше нет. Восточный фронт уже не имеет значения, хотя события под Салониками их здорово огорчили. Победа будет одержана на Западе, причём очень скоро. Усвоил, старина?

— Старая добрая Англия! — воскликнул Гарольд. — Но неужели они действительно во всё это верят, падре?

— Верят, — ответил Питер. — Признаться, я и сам сомневался, успею ли попасть сюда до конца войны. Наверняка американцы должны вступить в неё и изменить положение.

— Возможно, к этому времени в следующем году. Хотя я сомневаюсь. А ты что думаешь, Скотти?

— Да откуда мне знать! Надоела мне эта война. Слушай, командир, а как насчёт поездки в лес, о которой ты говорил?

— Отличная мысль. Не хочешь с нами, падре? Там работает лесозаготовительная команда, и мне нужно договориться с ними о дровах. Сегодня можно раздобыть машину. Поместимся все.

— Меня не считайте, — сказал Дженкс. — Пора идти докладывать о прибытии. Жаль, конечно.

— Я с удовольствием поеду, — ответил Питер. — К тому же главный капеллан поручил мне навестить этих людей.

— Вот и прекрасно! Значит, поездка будет вовсе не увеселительной. Выпьешь ещё, падре? Нет? Ну, тогда я выпью. Как у тебя, Скотти?

Через десять минут трое офицеров уселись в большой автомобиль и плавно тронулись с места. Сначала они ехали вдоль реки, затем свернули на крутую дорогу, поднимавшуюся в лес.

Питер, только что прибывший из Лондона, откинулся на сиденье и наслаждался поездкой. Он и не подозревал, что в Нормандии существуют такие великолепные леса. Мир казался ему удивительно прекрасным.

Всё происходившее было совершенно не похоже на то, что он прежде представлял себе, и Питер решил просто наслаждаться каждым мгновением.

Лес состоял преимущественно из елей и сосен. Солнечные лучи проникали между прямыми стволами, оставляя причудливые узоры на мягком ковре земли. На коричневом фоне ярко зеленели остролисты, а на открытом участке среди ещё голых буков уже пробивалась свежая зелень диких гиацинтов.

Время от времени между округлыми холмами открывались виды на далёкую нормандскую равнину за извилистой рекой. Затем деревья вновь смыкались вокруг дороги, и казалось, будто автомобиль стремительно мчится между наступающими рядами лесного войска, спасаясь от окружения.

Наконец на одном из таких участков машина взлетела на короткий подъём, быстро понеслась вниз, обогнула поворот и выехала на почти голое плоскогорье.

Отсюда открывались далёкие долины — Бошервиль, Дюклер. Местность была почти лишена деревьев: лес здесь вырубили практически полностью.

Проехав ещё около пятисот ярдов, они достигли небольшого лагеря.

Здесь стояли несколько рядов бараков Ниссена, столовая с вывеской в виде перевёрнутого треугольника, палатки, огромные штабеля брёвен и более мелкой древесины. Неподалёку неподвижно стояли несколько грузовиков.

Чуть дальше располагались два или три отдельных деревянных здания с садиком перед ними и табличкой «Офицерские помещения».

Капитан Гарольд остановил машину, и все вышли.

После весёлых приветствий и знакомств вся компания направилась через вырубленное пространство к видневшейся вдали опушке леса.

Питеру не хотелось разговаривать, и он немного отстал.

Гарольд и командир лесозаготовительного подразделения шли впереди. Маккей и один из младших местных офицеров держались правее, бросали небольшие куски дерева в пни и вели себя почти как школьники.

Воздух был насыщен смолистым ароматом, а под ногами пружинил мягкий ковёр из мха, листьев и душистых сосновых веточек.

Кое-где, согласно определённому плану, оставляли молодые деревца. Когда Питер догнал остальных, ему объяснили, с какой тщательностью французы подходят к этой, на первый взгляд, беспощадной вырубке.

Участки леса были пронумерованы и обозначены буквами. Где-то в далёкой конторе имелись сведения о каждой группе деревьев, её местоположении и возрасте.

Мало кто умеет ухаживать за лесами так, как французы. Приятно было думать, что через двадцать лет эта огромная вырубка принесёт больше пользы, чем вреда.

Лесорубы медленно продвигались в глубь ещё нетронутых рядов деревьев. В работе им помогала небольшая машина с двигателем. Огромные стволы здесь же очищали от ветвей и грубо обтёсывали, после чего моторными тягачами доставляли к деревянному спуску, который офицеры теперь и направились осмотреть.

Зрелище оказалось захватывающим. Лес внезапно обрывался на вершине высокого холма, а далеко внизу, у их ног, извивалась река.

На пристани, сооружённой из свай, вбитых в речной ил, работал бельгийский отряд вместе с немецкими военнопленными. Неподалёку стояли грубо сколоченные сараи, в которых размещалось оборудование для распиловки древесины.

Офицеры остановились у верхнего края большого деревянного жёлоба с высокими бортами. Огромные стволы, доставленные сюда с места рубки, сталкивали вниз рычагами. Они с шумом скользили по жёлобу, поднимая облака пыли, и устремлялись к ожидавшим их внизу рабочим.

— Ну что, командир, как насчёт дров? — спросил Гарольд, пока все наблюдали за работой.

— Сколько вам нужно? — осведомился начальник лесозаготовительного подразделения.

— Да сколько сможете выделить? У вас тут полно всяких обрезков. Неужели не найдётся немного для нас?

— Вообще-то это прямо против правил. Но вы сможете прислать за ними машину?

— Разумеется! Ниже нашего лагеря находится подразделение Армейского корпуса снабжения. Они обещали дать грузовик, если я поделюсь с ними добычей. Так подойдёт?

— Хорошо. Когда пришлёте?

— Какой сегодня день? Среда? А что, если в воскресенье? Я мог бы отправить несколько наших ребят, которым такая поездка будет в удовольствие. Вас устроит воскресенье?

— Превосходно. Мои люди, конечно, работают весь день, и мне не хочется нагружать их ещё больше. Так что присылайте своих.

Питер слушал разговор и теперь решил вмешаться.

— Простите, сэр, — сказал он, — мне поручили попытаться организовать здесь какое-нибудь богослужение. Нельзя ли мне приехать на грузовике и провести службу?

— С величайшим удовольствием, падре. Посмотрю, что можно устроить. Скажем, часов в одиннадцать? Вероятно, людей соберётся немного: по воскресеньям у нас обычно бывают смотры и дополнительные хозяйственные работы. Но я включу службу в приказ. Капеллана у нас давно не было.

— Одиннадцать часов меня вполне устроят, — ответил Питер, — если капитан Гарольд считает, что грузовик сможет добраться сюда к этому времени. Сможет, сэр?

— Думаю, вполне. Да и если опоздает на час, большой беды не будет. Если получится, я сам поеду с вами. Но послушайте, нам уже пора возвращаться. Иначе мы чертовски опоздаем к обеду.

— Во всяком случае, выпейте чего-нибудь перед отъездом, — предложил начальник лесозаготовок.

Он повёл гостей обратно в лагерь, за офицерскую столовую, где из кустарника и брёвен была устроена ограда, а под сенью огромного дуба стояли грубые деревянные скамьи и стол.

— Летом здесь великолепно, — сказал он. — Мы почти всегда едим на свежем воздухе. Присаживайтесь. Ординарец!

— Чёрт возьми, как вы тут прекрасно устроились! — воскликнул Гарольд. — Хотел бы я получить такую должность.

— Не знаю, командир. Думаю, через некоторое время вам бы всё это надоело. По вечерам здесь ужасно одиноко, а машину в город удаётся достать далеко не всегда. Да и выбраться отсюда обратно — целая история.

Ординарец принёс стаканы и бутылку.

— Выпейте. Это «Хейг энд Хейг», Маккей, настоящий напиток.

— Великолепно, сэр, — с видом знатока отозвался шотландец. — Люди думают, будто я не настоящий горец только потому, что не говорю с сильным шотландским акцентом. Но когда дело доходит до виски, жажда у меня самая что ни на есть шотландская. Скажите, когда хватит, сэр.

Питер выпил ещё. Тёплое чувство товарищества согревало его, и десять минут спустя, когда он снова уселся в автомобиль, ему стало ещё теплее.

Жизнь казалась такой простой и лёгкой! Его поражали весёлый нрав новых знакомых и готовность, с которой они приняли и его самого, и его служебные обязанности.

Он помахал начальнику лесозаготовок.

— Увидимся в воскресенье, сэр! Часов в одиннадцать. Не забудьте включить службу в приказ! Всего доброго!

— Давайте вернёмся нижней дорогой, командир, — предложил Маккей. — Можно будет заглянуть в тот чудесный маленький трактир. Как же он называется? «Круа» что-то там… К тому же дорога внизу превосходная.

— И заодно повидать Мари, верно? Только не забывай, что у нас в машине капеллан.

— Да с ним всё в порядке. А если ему предстоит служить здесь, самое время познакомиться с Мари.

Грэм рассмеялся.

— Поезжайте, — сказал он. — Мне совершенно всё равно, какой дорогой мы вернёмся, командир.

Он устроился ещё удобнее, а большой автомобиль рванулся вперёд, стремительно спускаясь через лес к реке.

Вскоре деревья поредели, и машина покатила вдоль вспаханных полей. Они проехали маленькую деревню, где немецкий военнопленный, работавший в саду, выпрямился и отдал честь.

Затем дорога прошла через рощу. Внезапно между деревьями открылась широкая аллея, ведущая к величественному дому с башенками во французском стиле, стоявшему примерно в четверти мили от дороги.

Они пересекли небольшой ручей, миновали несколько поворотов, сонную старинную церковь и длинную стену, казалось, стоявшую здесь с незапамятных времён, после чего выехали на прямую дорогу вдоль реки.

Солнечный свет играл на воде. Вниз по течению медленно двигались три торговых парохода — один британский и два норвежских.

На противоположном берегу простиралась низкая равнина. Здесь же между рекой и холмами лежала лишь узкая полоса яблоневых садов и кое-где сочных заливных лугов.

Трактир «Военный крест» стоял в глубине длинного сада, там, где лесная тропа, спускавшаяся через крошечную деревушку, выходила к большой дороге. Когда офицеры вышли из машины, шофёр сдал назад и почти полностью укрыл автомобиль на этой тропе.

Все трое направились к боковой калитке в высокой стене. Гарольд открыл её и вошёл первым. В маленьком ухоженном садике, защищённом от ветра, уже распустилось несколько цветов. Маккей сорвал красный бутон розы, пока они шли по дорожке.

Гарольд без всяких церемоний вошёл в гостиную, выходившую на веранду. Не обнаружив там никого, он распахнул следующую дверь.

— Мари! Мари! — позвал он.

— Ах, месье капитан, сейчас иду! — отозвался женский голос.

Появилась Мари. Питер заметил, как быстро она окинула взглядом всех троих и какими холодными оставались её глаза, хотя они сверкали, а сама девушка приветствовала Гарольда и Маккея с кажущейся неподдельной радостью.

Она была невысокой, темноволосой, не особенно красивой, но обладала всей живостью и обаянием, свойственными француженкам.

— О, месье, где же вы так долго пропадали? Я уж думала, вы совсем забыли «Военный крест». Две недели… нет, целых три недели вы у нас не были! Господа желают позавтракать? А может быть, сначала немного аперитива?

— Бонжур, Мари, — начал капитан на своём неуклюжем французском, но тут же отказался от попытки. — Я не мог приехать, Мари, ты же знаешь. Се ля гер. Каждый день много работы.

— Ах нет, месье меня не обманет! Он нашёл другое кафе и другую девушку… Нет-нет, месье, так нехорошо!

Когда Гарольд неловко потянулся к ней, продолжая оправдываться, девушка выпрямилась, и выражение её лица неожиданно изменилось.

— А у вас с собой кюре… как это сказать… капеллан?

И Мари лучезарно улыбнулась Питеру.

Оба офицера посмотрели на него и расхохотались.

— Что вам принести, месье капитан-кюре? Вермут? Коньяк? — спросила девушка.

Маккей соскользнул с края стола, на котором сидел, и подошёл к ней. Он заговорил на беглом французском, причём в его произношении почему-то слышался шотландский акцент, совершенно незаметный, когда он говорил по-английски.

Питер наблюдал за ними с улыбкой, испытывая странную смесь чувств.

Лейтенант объяснил, что они не могут остаться на завтрак, закажут три порции смешанного вермута и что он сам поможет ей принести напитки.

Они вместе вышли из комнаты, несмотря на протесты Мари.

Гарольд закурил и предложил сигарету Питеру.

— Вот молодчина этот Маккей! — сказал он со смехом. — Хотел бы я так же свободно болтать по-французски. Замечательная страна, падре!

Через минуту или две они вернулись. Красная роза теперь украшала вырез чёрного платья Мари, а сама девушка вся сияла улыбками.

Она несла поднос со стаканами и бутылкой. Маккей принёс второй поднос. С преувеличенной галантностью он помог ей разлить напитки и всё время, пока они пили, оживлённо болтал по-французски.

Гарольд и Питер разговаривали между собой, однако Питер улавливал обрывки беседы другой пары.

Маккей, по-видимому, расспрашивал, когда Мари снова приедет в город, и настойчиво пытался назначить ей свидание. Питер расслышал слова «улица Жанны д'Арк», но почти ничего больше.

Через несколько минут Гарольд решительно потребовал отправляться.

У дверей началась весёлая перепалка с прощаниями. Когда Питер снова сел в автомобиль, он ещё сильнее ощущал теплоту и беззаботное веселье своей новой жизни.

На этот раз Маккей устроился впереди, а Гарольд сел рядом с Грэмом.

Когда машина тронулась, Питер воскликнул:

— Чёрт возьми, командир, да вы здесь прекрасно проводите время!

Гарольд стряхнул пепел с сигареты.

— Так себе, падре, так себе. Но дьявол здесь разгуливает на свободе. Всё даётся слишком легко. Я ещё не встречал девушки, которая не была бы готова повеселиться. Конечно, с настоящими французскими дамами мы не общаемся. Да и дело совсем не в этом.

Он помолчал.

— Боже мой! Когда я думаю о наших ребятах там, на передовой, мне порой становится стыдно за себя. Но ничего не поделаешь. Меня не отпускают наверх, а ворчать здесь по этому поводу бесполезно.

— Полагаю, что так, — ответил Питер.

Остаток пути он провёл в задумчивости, откинувшись на сиденье.

Ему казалось, будто он знает этих людей всю жизнь, а прежняя лондонская жизнь протекала на какой-то другой планете.

После обеда ему выделили небольшую отдельную комнату. Час или два он разбирал вещи, а когда уже собирался сесть за письмо, в дверь постучали.

Заглянул Маккей.

— Ты здесь, падре? — спросил он. — В город отправляется грузовик, только что доставивший очередную партию солдат. Не хочешь поехать? Мне нужно кое-что купить. Можем поужинать в клубе, а потом вернуться.

Питер вскочил.

— Превосходно! Мне тоже нужно кое-что приобрести. С удовольствием поеду.

— Тогда собирайся. Встретимся у ворот через пять минут.

Питер надел портупею Сэма Брауна и вышел. Вскоре к нему присоединился Маккей.

Они тряслись в грузовике по дороге в город и первым делом отправились в офицерский магазин.

В офицерском магазине Полевого снабженческого управления Маккей купил сигареты, а Питер — фланелевые воротнички и галстук.

Затем они вместе побродили по городу и по просьбе Питера заглянули в собор. Перед ним на мгновение предстало величественное зрелище: старинный серый камень, цветные витражи и широкие своды, устремлённые ввысь. Но нетерпеливый спутник почти сразу потащил его к выходу.

— Разумеется, падре, тебе захочется всё здесь осмотреть, — сказал Маккей. — Но сделаешь это в другой раз и с кем-нибудь ещё. Я был здесь однажды, и мне вполне хватило. Пойдём лучше в клуб, закажем столик. Там обычно страшная толчея.

Питера чрезвычайно поразили толпы офицеров, непринуждённые приветствия знакомых и то, как все остальные совершенно не обращали друг на друга внимания.

Его представили нескольким людям, оказавшимся весьма весёлыми собеседниками. В конце концов в длинном обеденном зале они сели за стол вместе с двумя офицерами, которых знал шотландец.

Питеру особенно понравился высокий, слегка лысоватый капитан, служивший в Трудовом корпусе. Он много путешествовал и серьёзно пострадал во время боёв на Галлиполи.

В некотором отношении он был серьёзнее остальных. Он рассказал Питеру немало интересного о городских достопримечательностях: старинных домах, церквях, лучших витражах и многом другом.

Тем временем Маккей и четвёртый участник компании веселились вовсю. Маккей называл по имени официантку из Женского вспомогательного армейского корпуса и явно начинал вести себя чересчур возбуждённо.

Новый знакомый Питера смотрел на происходящее с заметным неодобрением.

— Много здесь встретишь дураков, падре, — сказал он, — и молодых, и старых. На днях я пил здесь чай, когда вошли два старых болвана — отставники, которых пристроили на какие-то должности. Они сели за соседний стол, и я невольно услышал их разговор.

Он усмехнулся.

— Тот, что постарше и потолще, полковник, посмотрел в окно и глубокомысленно заметил:

— Кстати, разве Жанна д'Арк не родилась где-то поблизости?

— Нет, — ответил второй. — Кажется, где-то в Эльзасе-Лотарингии. Здесь её сожгли, а пепел бросили в Большой мост.

Питер тихонько рассмеялся, и его собеседник улыбнулся в ответ.

— Чистая правда. Вот один тип ослов. А второй, — он понизил голос, — это твой приятель и ему подобные, если не возражаешь. Посмотри, как он ведёт себя с девушкой. Кто-нибудь заметит, и за ним начнут следить. В следующий раз он тайком встретится с ней, попадётся — и наживёт неприятности. По-моему, чертовски глупо! А девушка всего лишь официантка из Лиона.

Питер взглянул на Маккея.

Тот откинулся на спинку стула и держал в руках меню, которое девушка пыталась у него забрать, украдкой поглядывая в сторону кассы.

— Изобель, — говорил он, — послушай, подойди сюда… Нет, мне действительно нужно знать… Скажи, когда у тебя следующий выходной?

— Да у нас почти не бывает настоящих выходных, — ответила она. — И потом, вы ведь не всерьёз. Вы не сможете разговаривать со мной на улице. Ох, перестаньте! Мне нужно идти. Нас увидят!

И она поспешно убежала.

— Чертовски хорошенькая девушка, а? — удовлетворённо заметил Маккей. — Не обращай внимания, падре. Просто небольшая шутка. Ну, пойдём отсюда.

Все четверо вместе спустились по лестнице и остановились небольшой группой у входа.

— Куда теперь, Мак? — спросил второй офицер, младший лейтенант Западно-Гэмпширского полка.

— Не знаю, старина. Я с падре. Куда направимся, падре?

— Думаю, нам пора возвращаться, — сказал Питер, взглянув на наручные часы. — Дорога предстоит неблизкая.

— Да брось! Ещё рано! Вечер великолепный. Давай прогуляемся по улице.

Питер взглянул на капитана Трудового корпуса. Тот кивнул, и они вдвоём отошли в сторону.

— Здесь, в сущности, почти нечем заняться, — сказал капитан. — Кино быстро надоедает, а мюзик-холл ещё хуже, если только не настроишься как следует покутить. Неудивительно, что эти ребята увлекаются вином и женщинами больше, чем следовало бы. В конце концов, большинство из них только что вырвались из дома. Нужно делать скидку, падре. Такова человеческая природа.

Питер рассеянно кивнул. За этот день он уже второй раз слышал подобное объяснение.

— Всё здесь совершенно не так, как я представлял, — задумчиво произнёс он.

— Понимаю, — ответил капитан. — На первый взгляд здесь почти нет ни опасности, ни нищеты, ни страданий. Но никогда не знаешь, что скрывается за внешностью. Взгляни хотя бы на этих девушек. Держу пари, ты составил бы о них совершенно неверное мнение, если бы попытался их оценить.

Питер посмотрел на двух француженок, проходивших мимо.

Обе оглядывались на офицеров. В ярком свете освещённого кинотеатра их можно было хорошо рассмотреть.

Лица были густо накрашены. Яркие цельнокроеные платья отделаны мехом. У каждой была сумочка, а одна несла трость с кисточкой.

— Доброй ночи, дорогой! — бросила одна из них, проходя мимо.

Питер невольно содрогнулся.

— Какой ужас! — сказал он. — Как вообще можно разговаривать с такими женщинами? Их здесь много?

Он снова оглянулся.

— Боже правый! — воскликнул он. — Да ведь одна из них — Мари!

— Вот как, падре! — отозвался его спутник, и на губах его появилась едва заметная улыбка. — Где же ты успел побывать? Мари! Чёрт возьми, придётся доложить о тебе заместителю главного капеллана!

Питер густо покраснел.

— Мы встретили её сегодня утром в трактире, когда возвращались из леса. Но тогда она казалась совсем другой. Маккей её знает. Я даже слышал, как он говорил…

Он снова оглянулся, внезапно вспомнив кое-что.

Обе девушки теперь разговаривали с двумя офицерами, оставшимися примерно в двадцати шагах позади.

— О! — вырвалось у Питера. — Посмотрите только!..

Высокий капитан взял его под руку и перебил:

— Пойдём, падре. Ты ничего не сможешь сделать. Маккей и без того немного перебрал, а другой парень явно ищет развлечений на всю ночь. Пройдём мимо собора, и я немного провожу тебя домой.

— Но ведь это отвратительно! Мерзко! — воскликнул Питер. — Меня просто тошнит от этого!

Он умолк, и некоторое время они шли молча.

— Неужели здесь много такого? — неожиданно спросил Питер.

Капитан взглянул на него.

— Сам узнаешь, без моих рассказов. Но не спеши с резкими суждениями, пока не откроешь глаза. Бывают вещи и похуже.

— Хуже быть не может! — перебил Питер. — Такие женщины и мужчины, которые с ними связываются, недостойны называться людьми. Никакого оправдания этому нет. Это скотство, вот что!

— Ты даже не стал бы разговаривать с такой женщиной? — спросил капитан.

— Боже мой, конечно нет! Ты забыл, кто я?

— Нет, падре, не забыл. Но послушай. Я не христианин и смотрю на подобные вещи с точки зрения здравого смысла. И всё же вынужден сказать, что ты, по-моему, тоже идёшь неверным путём. Разве Христос не сострадал таким людям? Разве Он не ел и не пил с мытарями и грешниками?

— Да, чтобы обратить их к истине. Нельзя ставить эти вещи рядом. Он сострадал множеству голодных женщин, детей и заблудших людей, но ненавидел грех. Этого ты отрицать не можешь.

Питер вспомнил свою проповедь и почему-то почувствовал необъяснимое раздражение от такого возражения.

— Вот как? — коротко произнёс капитан. — Что ж, полагаю, ты разбираешься в этом лучше меня. Пойдём, нам сюда.

Они расстались на углу возле реки, и Питер отправился в долгий обратный путь один.

Вечер был прекрасный, звёздный, прохладный, но не холодный. Поначалу улицы ещё были полны людей.

Питер держался края тротуара или шёл прямо по мостовой, пока не выбрался из города. Он машинально отвечал на воинские приветствия, хотя мысли его витали далеко.

Маленькие кафе и питейные заведения были переполнены, главным образом английскими солдатами.

Больше к нему никто не обращался: он шёл быстро. Но и того, что он успел увидеть, оказалось достаточно.

Более часа спустя Питер вошёл в лагерь, направился в свою комнату, зажёг свечу и закрыл дверь.

Сняв китель, он сел на край походной кровати и уставился на огонёк.

Ему казалось, будто за один день он прожил целый год.

Он чувствовал себя нечистым.

Он подумал о Хильде и вдруг улыбнулся: Хильда и эта жизнь были настолько невероятно далеки друг от друга!

Он даже представить себе не мог, чтобы она знала о существовании подобного мира.

И всё же, вероятно, она знала — так же, как знал прежде он сам, — что всё это существует. Ведь он даже проповедовал об этом…

И вдруг его поразила мысль: с кафедры он говорил вздор. Рассуждал о вещах, о которых ничего не знал.

Хотя, разумеется, сама его позиция была правильной.

Он задумался, не следует ли поговорить с Маккеем.

И с этой мыслью опустился на колени.

Глава IV

Религия Хильды, как и религия многих англичанок её круга, была весьма своеобразной. Сама она, разумеется, никогда её не анализировала и, возможно, решительно возразила бы против приведённого здесь описания, но по существу оно совершенно верно. Начать с того, что эту очаровательную, во всём следующую условностям молодую обитательницу Парк-лейн роднило с Наполеоном Бонапартом одно обстоятельство: для обоих христианство значило больше как залог общественного порядка, нежели как таинство Воплощения. Хильда была убеждена, что достойная, упорядоченная жизнь покоится на определённых соглашениях и представлениях о браке, сословных различиях и поведении; что эти соглашения и представления превосходно изложены в Книге общих молитв и с величайшим умением и благопристойностью проповедуются с кафедры церкви Святого Иоанна. Она сказала бы, что разделяет эти взгляды благодаря молитвеннику; в действительности же прежде всего она была предана определённому общественному устройству, а молитвенник поддерживала потому, что тот служил ему опорой. Раз в месяц она повторяла Никео-Цареградский символ веры — просто потому, что раз в месяц ей полагалось его повторять, — и ей никогда по-настоящему не приходило в голову, что кто-то может мучительно размышлять над его смыслом, тогда как сама она этого не делала. Будучи девушкой умной, она, конечно, знала, что такие люди существуют. Время от времени на кафедре Святого Иоанна появлялись проповедники, которые, казалось, страстно желали убедить её и остальных прихожан, что символ веры означает именно это, а не то, либо, напротив, то, а не это — смотря по тому, чем в данную минуту был увлечён священник. По отдельности она более или менее понимала положения, которые эти господа с таким пылом отстаивали перед ней; в целом же не понимала ничего. Она была слишком настоящим дитя своей среды и своего времени, чтобы не сознавать: опыты мистера Ллойд Джорджа в области сословного законодательства куда важнее.

Поэтому Питер всегда оставался для неё своего рода загадкой. Обычно он прекрасно вписывался в привычный порядок вещей: он был джентльменом, любил всё изящное и с замечательным рвением занимался организацией благотворительности и исправлением злоупотреблений надлежащими средствами. Но время от времени он говорил и делал нечто такое, что приводило её в замешательство. Представьте себе женщину, которая постепенно стала полновластной хозяйкой дома, а затем вдруг обнаружила в нём ещё одну комнату: она успела заглянуть туда лишь на минуту, после чего комната вновь исчезла из виду и дверь захлопнулась. Это была вовсе не комната Синей Бороды. Скорее Хильду тревожило подозрение, что там находится другая, живая хозяйка, которая однажды выйдет и оспорит её права. В девяти случаях из десяти Хильда могла предсказать, как поступит Питер; она инстинктивно, гораздо лучше его самого, понимала представления, управлявшие его жизнью. Но порой он вдруг останавливался в недоумении, словно задумавшись о чём-то ей непонятном, или внезапно поддавался неудержимому порыву, исток которого был недоступен ни её власти, ни даже догадкам. Женщины опекают своих мужчин по-матерински, потому что мужчины по большей части сущие большие дети; однако среди целого поколения детей изредка рождается повелитель. Женщины так привыкают к правилу, что забывают об исключении. И когда такое исключение появляется, они теряют покой.

Но этим религия Хильды не исчерпывалась. По какой-то загадочной причине в этом порождении высокоразвитого общества жило нечто первобытное. И мужчинам, и женщинам пришлось бы избавиться от всякого следа своей половой природы, чтобы окончательно от него освободиться. Иными словами, поскольку в ней таилась способность дать жизнь ребёнку — и в час родов ей предстояло остаться наедине с бесконечностью в тёмной, тихой комнате, — она безотчётно и почти бессознательно цеплялась за некоторые суеверия, общие для неё с перво-

бытными дикарями и поклонниками фетишей. Всё это, казалось бы, весьма далеко от молитвенных служб о военном времени в богатой и модной церкви Святого Иоанна. И всё же именно это, ни больше ни меньше, заставило её в одну из пятниц, на неделе после прибытия Питера во Францию, опуститься на колени на высокую подушечку, удобно положить локти на молитвенную скамью и закрыть лицо ладонями. Старший викарий тем временем нараспев читал превосходные, величавые английские строки молитв, предписанных церковными властями на время войны, делая подобающие паузы, во время которых мысли Хильды неудержимо метались между бесчисленными предметами — от того, что делает Питер во Франции, до всё возрастающих трудностей с приобретением шёлковых чулок.

Двумя скамьями впереди неё, в военной форме, стоял на коленях сэр Роберт Дойл. Этот простодушный военный был ещё большим ребёнком, чем большинство мужчин, и потому попрежнему чувствовал, что вокруг него существует множество непостижимых вещей. За это Хильда, его крестница, обожала и любила его, как мать любит ребёнка, который сидит посреди лютикового луга и видит в цветах не золото монет и не предмет ботаники, а золото небесное. Он был ещё милее оттого, что считал себя гораздо крупнее и сильнее Хильды и совершенно способным о ней позаботиться. В этом он напоминал отважного мальчугана, который поднимается среди лютиков и уверяет мать, что ей нечего бояться, когда на луг выходит корова.

Они вышли вместе и поздоровались на церковной паперти. — Добрый вечер, дитя моё, — с улыбкой сказал военный. — Ну как там Питер?

Хильда улыбнулась в ответ, но улыбка вышла довольно холодной, и мужчина тотчас это заметил. — Вчера я ещё не могла бы сообщить вам ничего нового, — сказала она, — но сегодня утром получила письмо, в котором он подробно рассказывает о своём первом воскресенье. Пока он в Руане, в лагере отдыха, хотя думает, что его почти сразу переведут в другое место. А сам он совершенно здоров.

— А что дальше? — ласково спросил её собеседник.

— О, он и сам ничего не знает, но пишет, что вряд ли ему удастся попасть на передовую. Его направят в другую часть, где вскоре, вероятно, будет не хватать капелланов.

— Ну и прекрасно, разве нет? Во всяком случае, в Руане ему ничто не угрожает. Если дела и дальше пойдут так, как сейчас, там скоро даже пушек не будет слышно. Ну же, девочка моя, что тебя тревожит? Я вижу, что что-то не так.

Они уже шли по улице в сторону парка, и Хильда не сразу ответила. Наконец она спросила: — Что вы собираетесь делать? Не могли бы вы ненадолго зайти к нам? Отец с матерью вернутся поздно, а вы составите мне компанию.

Он взглянул на часы. — Позже мне нужно быть в Военном министерстве, — сказал он, — но мой человек приедет в город только после десяти, так что я зайду. В клубе нынче не слишком приятно. Одни уверены, будто ты всё знаешь, да только скрываешь; другие уверены, будто сами всё знают, и непременно хотят тебе об этом рассказать. Утомительно, знаешь ли.

Хильда весело рассмеялась. — Бедный дядя Боб! — сказала она, назвав его детским именем, которое так и осталось между ними. — Пойдёмте со мной домой, устроитесь в папином кресле, получите вполне приличный виски и сигару, а если будете очень хорошо себя вести, я прочту вам часть письма Питера.

— А что скажет Питер?

— О, он не стал бы возражать против тех мест, которые я вам прочту. Думаю даже, ему бы это понравилось: он хотел бы знать ваше мнение. Видите ли, он ужасно подавлен; ему кажется, что там он никому не нужен, и ещё… хотя я не совсем понимаю, что он имеет в виду… что всё это, религиозное, понимаете, ненастоящее.

— Никому не нужен, вот как? — переспросил старый солдат. — Интересно, почему его это так задевает. Не потому ли, что он чувствует себя обойдённым вниманием? Не удивлюсь, если твой молодой человек немного возомнил о себе, Хильда.

— Сэр Роберт Дойл, если вы собираетесь говорить такие гадости, отправляйтесь в свой противный старый клуб, и надеюсь, там вас замучают до смерти! Конечно, дело не в этом. К тому же он пишет, что все очень дружелюбны и радушно его принимают, — только, по его мнению, от этого ещё хуже. Он думает, что им не нужно… ну, то, что он может им дать, наверное.

— Что он может дать? Да что же, скажите на милость, он должен давать? Ему надлежит проводить богослужения перед строем, посещать госпитали и… — Он уже собирался сказать «хоронить мёртвых», но решил, что это прозвучит не слишком приятно. — И вообще вести себя достойно и приносить пользу, полагаю. Так поступали капелланы, когда я был младшим офицером, и обычно это были чертовски славные ребята.

— Да, я понимаю. Я и сама так бы рассуждала, и именно поэтому мне не всё ясно. Пожалуй, он чувствует себя ответственным за то, чтобы сделать солдат религиозными, — во всяком случае, из письма складывается такое впечатление. Но вы сами его услышите.

Некоторое время Дойл молча переваривал услышанное. Потом он издал нечто вроде фырканья — совершенно неподражаемого звука, которым неизменно сопровождались его вспышки негодования по поводу всего, что появилось на свет позднее шестидесятых годов. Во всяком случае, Хильду этот звук мгновенно оживил.

— Не надо, милый вы мой, — сказала она, ухватив его за руку. — Я прекрасно знаю, что вы сейчас скажете. Молодые люди в ваши времена занимались своим делом, исполняли свой долг и не так много теоретизировали. Вполне возможно. Но, видите ли, нашим молодым людям не повезло родиться немного позже вас. И ничего они с этим поделать не могут. — Она слегка вздохнула. — Иногда с ними нелегко… Но в сущности они хорошие и ещё вернутся к настоящим ценностям.

Они уже подошли к калитке. Сэр Роберт посторонился, пропуская её. — Знаю, дорогая, — сказал он, — я старый брюзга. К тому же в молодом Грэме есть хорошая закваска — я всегда это говорил. Но если он вознамерился лезть людям в душу, то зря отправился во Францию. Я знаю нашего Томми — или, по крайней мере, знал прежде. (Один Господь ведает, что теперь творится в армии.) Ему такого не нужно. Он ругается, ворчит и пьёт, но Всемогущего Бога уважает куда больше, чем можно подумать, и служит своей королеве… то есть королю. Богослужение перед строем — это тоже построение, и временами оно бывает в тягость, но это дисциплина, а в конечном счёте от неё есть польза. Вот как сегодняшняя маленькая церемония — и она помогает. Уходишь с чувством, что ради всего порядочного и чистого в жизни способен вынести ещё немного.

Стоя наверху ступеней, Хильда несколько мгновений смотрела на этого статного, прямого старика. Потом глаза её слегка затуманились. — Благослови вас Бог, дядя Боб, — сказала она. — Вы всё понимаете. И они вместе вошли в дом.

Хильда открыла дверь кабинета. — Я сама устрою вас поудобнее, — сказала она. Она подвинула большое кресло, поставила на маленький столик лампу для чтения и придвинула столик поближе, затем усадила старого военного в кресло. Потом отперла небольшой шкафчик, достала графин, сифон с газированной водой, стакан и коробку сигар и расставила всё рядом с ним. На мгновение она отступила и с лукавым видом оглядела дело своих рук. Затем бросила ему под ноги большую кожаную подушку, подошла к выключателям и погасила верхний свет, оставив только мягкое сияние лампы под абажуром. Она повернула абажур так, чтобы свет падал на письмо, когда она сядет на подушку, потом наклонилась, поцеловала крёстного отца и направилась к двери. — Я всего на минутку, дядя Боб, — сказала она. — Угощайтесь и располагайтесь.

Через пять минут дверь открылась, и она вернулась. Когда Хильда вошла в круг света, старик испытал нелепое чувство удовлетворения, словно и ему принадлежала некоторая заслуга в том, что перед ним стояла эта величественная молодая женщина с мягкими светлыми

волосами, уложенными красивыми волнами, которыми он так гордился. Она улыбнулась ему и села у его ног, прислонившись спиной к креслу и положив левый локоть ему на колени. Он ласково положил ладонь ей на руку, а затем устремил взгляд прямо перед собой, чтобы случайно не увидеть больше, чем она хотела ему показать.

Хильда зашелестела листами. — Вначале он пишет только обо мне, — объяснила она, — это я пропущу. Посмотрим… да, вот здесь. Теперь слушайте. Письмо довольно длинное, но, пожалуйста, ничего не говорите, пока я не закончу.

«Субботу, — писал Питер, — я целиком посвятил подготовке к воскресенью, хотя Гарольд, — (это начальник лагеря, пояснила Хильда; по словам Питера, очень славный человек), — звал меня с собой в город. Я уже поговорил с ним о службах и договорился провести утром причастие в лагерном помещении Христианского союза молодых людей: там есть тихая комната и стол, который придвигают к стене и используют как алтарь. А вечернее богослужение я собирался устроить в той части здания, где находится буфет. Утреннюю службу для всех я провести не мог, потому что должен был ехать в лесной лагерь, о котором уже рассказывал тебе». — В первом письме он писал, что его отвезли на автомобиле в лесной лагерь, где солдаты заготавливают древесину для каких-то нужд, и что он договорился провести там богослужение перед строем, — сказала Хильда, подняв глаза. Дойл серьёзно кивнул, и она продолжила читать: — «Гарольд сказал, что хотел бы причаститься, и разрешил мне вывесить объявление в прихожей офицерской столовой.

«Итак, всё утро я готовил проповеди. Для лесного лагеря я выбрал слова: „Уже и секира при корне дерев лежит“ — и задумал построить на них небольшую притчу для солдат. Я собирался говорить о том, что Христос в действительности наблюдает за каждым из нас и испытывает нас, особенно здесь, на войне; начать же хотел с Германии и с того, как секира уже занесена над этим деревом, потому что оно не приносит доброго плода. Для вечерней проповеди ничего толкового придумать не удалось, поэтому я решил пока оставить её и, возможно, сказать примерно то же самое, только с другим вступлением. Потом я зашёл к заведующему бараком, очень приятному человеку, который у себя дома служит баптистским пастором. Он сказал, что хотел бы прийти на утреннюю службу. Признаться, я растерялся: мне очень не хотелось его обидеть, и, конечно, здесь у него нет баптистской часовни. Но я не знал, что на этот счёт предписывают правила, и сослался на них, чтобы уклониться от ответа.

«После обеда я обошёл лагерь. Ах, Хильда, я ужасно нервничал — сам не знаю почему, но это так. Солдаты играли в „корону и якорь“, спали или чистили снаряжение (ты ведь знаешь, что это лагерь отдыха), и мне почему-то казалось, что я действую с бессердечной деловитостью. Я сказал им, что вечером может прийти всякий желающий, но утренняя служба предназначена для причастников Англиканской церкви. Должен признаться, результаты меня очень ободрили. Мне дали множество обещаний прийти, а те, кого вечером не будет, прямо об этом сказали. Человек тридцать обещали явиться утром, и все держались очень уважительно и прилично. Затем я написал и развесил объявления. В офицерской столовой надо мной немного подшучивали, но вполне добродушно („Глядите-ка, наш падре наконец-то собрался поработать!“ и обычное „На следующей войне я тоже стану капелланом!“). А одному-двум знакомым англиканам я упомянул, что капитан Гарольд обещал прийти на раннюю службу. Кто-то говорил мне, что если начальник лагеря приходит, за ним нередко следуют и остальные. После ужина мы уселись играть в бридж, и около половины одиннадцатого я уже собирался идти спать, когда явился Гарольд с двумя или тремя другими офицерами. Мне тяжело рассказывать тебе об этом, дорогая, но я обещал писать обо всём и, кроме того, очень хочу с кем-нибудь поговорить. Словом, он был, как здесь выражаются, „навеселе“, и он с приятелями без умолку болтал о своих похождениях в городе. Не знаю, было ли там что-нибудь действительно дурное, но мне было ужасно думать, что этот человек на следующий день собирается причащаться. Я

не знал, как поступить, а сказать что-либо тогда не мог и при первой возможности ускользнул в постель. Они ещё долго страшно шумели в прихожей, но в конце концов я заснул.

«На следующее утро я встал рано и всё как следует приготовил. В восемь часов явился один человек, несколько смущённый, — молодой парень, которого я видел накануне, — и я подождал ещё минут пять. Потом начал службу. Примерно во время чтения Символа веры пришёл Гарольд, и так мы довели службу до конца. Ни один из них, кажется, совсем не знал положенных ответов, и не припомню, чтобы когда-нибудь чувствовал себя несчастнее. Впрочем, я сделал всё, что мог, и решил больше об этом не думать. Утешал себя надеждой, что в лесном лагере всё пойдёт лучше: я полагал, там будет построение на богослужение.

«Около одиннадцати мы отправились туда, и я зашёл в хижину командира. Он сидел в складном шезлонге и читал роман. Увидев меня, он вскочил и принялся извиняться. Он совершенно забыл о моём приезде, поэтому никого не предупредили; к тому же, как выяснилось, в этих лагерях вообще не принято назначать обязательные богослужения с построением. Он послал за старшиной. Тот сказал, что большинство солдат заняты уборкой лагеря, но кое-кого, вероятно, удастся собрать. Я просидел за разговором минут двадцать, а затем пошёл к месту службы. Буфет уже открыли, и там находилось около двадцати человек. Все, кроме одного, выглядели так, будто их привели силой. Исключением оказался методист; он и выбрал гимны из сборников Христианского союза молодых людей, лежавших там. Это были миссионерские песнопения, и только одно — „Бросьте спасательный круг“ — прозвучало сколько-нибудь дружно, хотя, по правде говоря, песня довольно жуткая. Мы совершили сокращённую утреню, и я произнёс приготовленную проповедь. Солдаты сидели неподвижно и смотрели на меня. Не знаю почему, но мне никак не удавалось воодушевиться, и всё казалось напрасным. После службы я попытался поговорить с тем капралом-методистом. Он горячо рассуждал о том, как хорошо было бы создать хор и разучивать гимны. Тогда я прямо признался, что ещё новичок в такой работе, и спросил, годится ли то, что я говорил. Он ответил: „Да, сэр, конечно, очень хорошо. Только, если позволите, этим людям нужно обращение к Богу“.

«Я спросил: „Что именно вы хотите этим сказать, капрал?“

«„Видите ли, сэр, — ответил он, — их надо привести к тому, чтобы они уповали на Господа и примирились с Богом. В этом лагере немало грубых парней сэр. Если бы вы знали, что здесь творится, вы бы поняли“.

«Я сказал, что говорил им: Бог видит каждого из нас, и мы должны ежедневно просить Его помощи, чтобы жить чисто и честно, и искренне каяться в своих грехах.

«„Да, сэр, вы это говорили, — ответил он. — Я ведь и говорю, сэр: всё было очень хорошо. Только, понимаете, эти ребята уже слышали такое. Не берёт за душу, сэр. Вот однажды у нас в часовне выступал проповедник…“ И он принялся рассказывать о какой-то миссии религиозного пробуждения.

«После этого я вернулся к командиру. Он предложил мне выпить, и я согласился, потому что, признаться, мне очень этого хотелось. Затем я возвратился в свой лагерь.

«После полудня я снова обошёл солдатские помещения. Хильда, как бы мне хотелось передать тебе, что я чувствовал! Все были вполне любезны, но при моём приближении солдаты вставали и отдавали честь, а по одному только звуку их голосов можно было понять, как менялся разговор, стоило им меня заметить. Заметь, они были гораздо дружелюбнее, чем солдаты дома, но я всё время чувствовал себя чужим. Я был им не нужен, а Христос и Евангелие казались почему-то бесконечно далёкими. Тем не менее вечером мы провели службу. Барак был довольно полон, и это меня обрадовало. Я произнёс проповедь куда более евангельского характера, чем утром. Пришли несколько офицеров, а после службы двое или трое из нас отправились прогуляться и поговорить.

«Среди этих офицеров был высокий молодой человек по фамилии Лэнгтон, с которым я познакомился в клубе. Он приехал повидаться с кем-то из нашей офицерской столовой и

заодно пришёл на богослужение. Он необыкновенно приятный человек, не похожий на большинство других: много размышляет и умеет владеть собой. Говорил главным образом он. Когда мы поднимались на холм, он начал разговор.

«„Падре, — спросил он, — каким образом Христос спасает нас?“

«Я ответил, что Христос умер ради того, чтобы Бог простил нас, и что, если мы уверуем в Него, Он простит нас и поможет нам жить более благородно и мужественно. (Разумеется, я говорил гораздо больше, но теперь ясно вижу, что всё сводится именно к этому.)

«Когда я закончил, он некоторое время шёл молча, а затем спросил: „Как вы думаете, солдаты это понимают?“

«Я сказал, что думаю и надеюсь, что они понимают. Всё было достаточно просто.

«„Ну что ж, — сказал он, — для меня всё это совершенно непонятная тарабарщина. Стоит попытаться разобраться, как на меня со всех сторон обрушиваются бесчисленные вопросы. Но оставим это. Когда же я пытаюсь принять ваши слова буквально и применить их на деле, оказывается, что вы твердите заклинания перед фетишем. Простите, но это так“.

«Я немного рассердился и очень встревожился. „Объясните, пожалуйста“, — попросил я.

«„Хорошо, только не обижайтесь, если мои слова вас заденут, — ответил он. — Возьмём упование на Христа. Либо это означает, что человек опьянён некой идеей, которая действительно управляет его жизнью, точно так же, как если бы он был опьянён идеей упования на Будду, либо всё это ничего не значит. Я не могу по-настоящему уповать на мертвеца или на человека, сидящего одесную Божьего престола. Рядовому солдату нужен товарищ, на которого можно опереться в солдатской столовой и на улице. Ему нужен кто-то более реальный, более достойный любви и более желанный, чем девушка, которая соблазняет его на грех. Но такого товарища не найти. Был ли он сегодня на вашем богослужении? Можно ли вызвать его в душе песнями «Не поддавайся искушению» или «Осмельсь быть Даниилом»? Скажите по совести, падре: всё это лишь призрак, порождённый воображением“.

«Я не произнёс ни слова. Он продолжал:

«„Вы много говорите о грехе и прощении. Но рядовой солдат не понимает, что вы называете грехом. Он совершенно запутался в этом вопросе. Зато одно ему ясно: человек может с богословской точки зрения нарушить все десять заповедей и всё-таки оставаться замечательным товарищем — храбрым, как лев, весёлым, как сверчок, душой и сердцем взвода, его настоящим Христом. Это факт, и только он имеет значение. Но есть и другое: если человек согрешил, как ему получить прощение? Что это за Бог, который готов начисто стереть всё содеянное только потому, что грешник в порыве чувств сказал, будто раскаивается? Если грех — всего лишь это, о нём не стоит тревожиться; а если Бог — всего лишь такой, из Него не вышло бы даже порядочного командира части“.

«„Отлично сказано, командир“, — заметил другой офицер.

«Лэнгтон резко повернулся к нему. „Ничего тут отличного нет — ни для меня, ни для кого другого, — сказал он. — И вот что я тебе скажу, дружище: всё, что я говорил, вовсе не оправдывает человека, который превращается в скотину, а именно так поступает большинство из нас. Я допускаю, что иной раз человеку вполне разумно напиться, но надо быть последним —— дураком, чтобы пропить себя насквозь“. (А потом он сказал ещё кое-что, Хильда, чего я не могу тебе написать.)

«Ну вот, я и сам не знаю, что ответил. Вернулся я совершенно несчастным. Ах, Хильда, мне кажется, не следовало приезжать сюда. В известном смысле Лэнгтон прав. Мы, священнослужители, так часто повторяем одни и те же слова, что забываем, как они звучат для практичного человека, привыкшего руководствоваться здравым смыслом. Но где-то должен существовать ответ, если бы только я его знал! А пока я похож на врача среди умирающих, который не может поставить диагноз. Или на торговца, чей магазин полон товаров, никому не нужных,

потому что они не соответствуют рекламе. Никогда ещё я не чувствовал себя таким бесконечно одиноким.

«Эти люди говорят на другом языке; они принадлежат к иному миру. Они такие славные ребята, что готовы без всяких вопросов принять меня как товарища. Но что касается моей проповеди, с тем же успехом я мог бы пытаться лечить оспу, торжественно декламируя Вергилия. И даже хуже: ведь они уже не верят, что болезнь именно та, о которой я им толкую. А больше всего меня поражает то, что в общем-то это порядочные люди. Вот Гарольд: вероятно, он ведёт безнравственную жизнь и уж наверняка слишком много пьёт, но при этом он совершенно бескорыстен, и я всем существом чувствую, что ради друга он готов на всё.

«Конечно, их пороки мне ненавистны. От того, что я вижу на улицах, меня буквально тошнит. Я и палкой не прикоснулся бы к тому, к чему прикасаются они. Когда я думаю о тебе — такой честной, прямой, чистой…“ Ах, впрочем, дядя Боб, это читать незачем». Она перелистнула одну или две страницы. «Кажется, это всё. Нет, вот ещё:

«„Меня назначили секретарём офицерской столовой, а через день я по два часа раздаю кофе в солдатской столовой. Вот, собственно, и все мои занятия. Как бы я хотел, чтобы у меня было обычное офицерское назначение!“»

Голос девушки подозрительно внезапно оборвался, и мужчина крепче сжал её руку. С минуту они оставались неподвижны, а потом она порывисто, не сдерживая себя, вполоборота припала к его коленям и разрыдалась:

— О, дядя Боб, я так несчастна! Мне так его жалко. И… и хуже всего то, что я сама толком ничего не понимаю… Не понимаю, что его тревожит. Наша вера вполне хороша, я уверена. О, как я ненавижу этих скотов, этих мужчин там, во Франции! Питер слишком хорош для них. Лучше бы он вовсе не уезжал. У меня такое чувство, будто он никогда не вернётся!

— Ну-ну, дорогая, — неловко проговорил старый солдат. — Не убивайся так. Он ещё освоится, вот увидишь. Всё не настолько плохо. Ты ведь ему доверяешь?

Она энергично кивнула. — Но что вы сами обо всём этом думаете? — настойчиво спросила она.

Сэр Роберт Дойл откашлялся. — Ну… — начал он и умолк. Говорить о религии было для него необыкновенно трудно: отчасти потому, что он всем сердцем дорожил своей верой, отчасти потому, что никогда не пытался выразить её словами — вероятно, именно по этой причине. Сэр Роберт едва ли сумел бы объяснить самому Создателю, во что именно он верит, когда речь идёт о Нём. Произнося Символ веры, он неизменно понижал голос и склонял голову, словно глубоко размышлял над каждым словом; на деле же он почти никогда ни о чём таком не задумывался…

— Ну, — начал он снова, — понимаешь, дорогая, там сейчас странное время, да и век у нас, прошу прощения, чертовски неприятный. Нынче люди ничего не принимают, не задав прежде уйму проклятых вопросов. Скоро какой-нибудь благословенный социалист начнёт допытываться, почему человек должен любить свою мать, а не получив научного ответа, докажет, что и не должен. Что до солдат, то они славные ребята — во всяком случае, прежде такими были. «Любите братство. Бога бойтесь. Царя чтите» — по-моему, для нас с тобой этого вполне достаточно, и Грэм поймёт, что ему тоже достаточно. Он будет вести себя как подобает, порядочные люди полюбят его и получат от него… э-э… помощь, дорогая. Вот и всё. Но жаль, — добавил старый кадровый военный викторианской закалки, — что в этих проклятых трудовых частях, лагерях отдыха и прочих подобных местах не устраивают общих богослужений по строю. Парню, конечно, их недостаёт. Будь я проклят, если не подниму этот вопрос!.. Кстати, вспомнил… Господи Боже, уже десять часов! Мне пора.

Он вскочил; Хильда тоже поднялась, чуть улыбаясь.

— Вот так-то лучше, — сказал старик. — Надо держаться молодцом, а? Всё это война, знаешь ли.

— Ах, дядя Боб, какой же вы милый! Вам каким-то образом всегда удаётся меня утешить. Хотела бы я, чтобы мужчины были больше похожи на вас.

— Нет, дорогая, вовсе ты этого не хочешь, даже не думай. Я человек прошлого века, и ты знаешь это не хуже других.

— Ничего подобного, дядя Боб! Не позволю вам так говорить. Поцелуйте меня и скажите, что вы вовсе так не думаете.

— Ну-ну, Хильда, в старом псе ещё есть порох, и мне пора идти доказывать это делом. Нет, ещё одну не выпью — не перед службой. Спокойной ночи, дорогая, и не тревожься.

Хильда проводила его и помахала рукой с порога. Затем медленно вернулась в кабинет и огляделась. Несколько мгновений она стояла неподвижно, потом погасила свет, вышла и не спеша поднялась наверх. В спальне находилась горничная; Хильда отпустила её, стараясь не поворачивать к ней лица. Перед зеркалом она нерешительно подержала письмо в руках, затем сложила его и убрала в ящик. Взяв с туалетного столика фотографию, несколько минут пристально вглядывалась в неё. Потом подошла к окну, распахнула его и, опершись на подоконник, устремила неподвижный взгляд на тёмный, пустынный парк.

Тем временем генерал прошёл немалое расстояние, прежде чем ему удалось найти такси. Для своих лет он шагал быстро и по дороге размышлял. Такова была его привычка, как и привычка людей его круга. Большинство современных наук оставляло его равнодушным, и, хотя он горячо отверг бы подобное обвинение, трудно было найти человека менее последовательного в рассуждениях. Он твёрдо держался нескольких добрых, здравых, старомодных принципов; думать для него означало поворачивать новую мысль так и этак, пока она не укладывалась в рамки этих принципов. В известных пределах метод был превосходен и сделал его тем, кем он был, — основательным, надёжным слугой государства во всяком привычном деле.

У Военного министерства он уже медленнее поднялся по ступеням и вошёл в вестибюль. Навстречу выходил офицер; в приглушённом свете они узнали друг друга. — А, Чичестер! Что ты здесь делаешь? — сердечно воскликнул Дойл. — Я думал, ты во Франции.

— Так и было до вчерашнего дня. Только что приехал. Приказали.

— Где ты был?

— В Руане. Теперь там размах огромный. Город полон новых войск и механиков в военной форме. По правде говоря, Дойл, нынешняя армия — совсем не то, что была в те времена, когда мы с тобой служили в Египте и Индии. Но это было давно, старина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.